

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

Между двух берегов

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ
ВДОВА

Черная вдова Марина Коваль

Марина Крамер

Черная вдова. Между двух берегов

«Марина Крамер»

2009

Крамер М.

Черная вдова. Между двух берегов / М. Крамер — «Марина Крамер», 2009 — (Черная вдова Марина Коваль)

ISBN 978-5-699-31583-3

Марина Коваль оплакивает свою единственную любовь – мужа Егора Малышева, погибшего в автокатастрофе. После трагедии на нее свалились заботы о корпорации Малышева и футбольном клубе. Но это стало лишь разминкой перед большой неравной битвой, жертвой которой оказалась Наковальня. Выяснилось, что Егор «погиб» для властей, взяв вину жены за прошлые дела на себя. На самом деле он жив и скрывается под чужой фамилией. Однако работники прокуратуры обвиняют Марину в убийстве самого дорогого человека в ее жизни...

ISBN 978-5-699-31583-3

© Крамер М., 2009
© Марина Крамер, 2009

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марина Крамер

Черная вдова. Между двух берегов

Часть I

Без скидок на женственность

«Интересно, а есть ли вообще люди, способные прожить без проблем? Я имею в виду не бытовые мелочи, конечно, а нормальные, серьезные проблемы и неприятности. Думаю, что нет. Во всяком случае, мне такие не попадались за мои тридцать с небольшим лет жизни», – тонкая рука с длинными ногтями, покрытыми черным лаком, потянулась к лежащей на подоконнике пачке сигарет.

Высокая, худощавая брюнетка, одетая в черные джинсы и такую же майку, отдернула тяжелую штору и выглянула во двор. Ничего особенного, все как всегда – вон три здоровые собаки носятся друг за другом, отнимая друг у друга обрывок толстого резинового шланга; охранник в сторожке у самых ворот развалился в кресле, вытянув ноги на угол стола, – в большое окно его хорошо видно. Телевизор смотрит. У открытых ворот просторного гаража на три машины стоит черный «Хаммер», сверкая свежевывмытыми боками, рядом возится водитель, придирчиво оглядывая колеса. Ночью выпал снег, но дорожки, ведущие к дому, гаражу и небольшому двухэтажному коттеджу, где живет охрана, тщательно вычищены. Полный порядок, все так, как уже много лет заведено в этом доме. Ничего не меняется, даже то, что каждый новый день непременно приносит какие-то сюрпризы. Как сегодня.

Вздыхнув, женщина закурила, задернула штору и повернулась к телевизору, но потом передумала включать его – зачем? Только опять портить настроение, выслушивая очередную клевету в свой адрес. И так неприятностей хватает.

«Вот сегодня, например, – зачем я согласилась на уговоры и слезные мольбы этих деятелей из футбольного клуба? Что я смыслю в этом самом футболе, кроме того, что в него мячом играют? Но как же! Люди пришли просить помощи у владелицы самой крупной строительной корпорации в регионе, и название-то у них подходящее – „Строитель“, черт их дери! А самым веским аргументом было, естественно, то, что Егор, муж мой любимый, перед тем как погибнуть, пообещал им финансовую поддержку, что они и сообщили мне, опустив в пол глаза. Как я могла отказать им в этой ситуации? И что мне теперь делать с этим приобретением, интересно? Ох, к бабке не ходи, Розан будет в гневе!»

Произнеся последнюю фразу вслух, брюнетка села в кресло, расположившись в той же позе, что и давешний охранник.

Вздыхнув, она взяла трубку и набрала номер Розана.

– Привет, дорогой! Как твои делишки?

– Чует мое сердце, сейчас проблем добавится – иначе зачем ты звонишь мне в десять утра? – отозвался Серега.

– Ты прав. Мы взяли под себя футбольный клуб, – призналась она, представляя, как Розан изменился в лице. Повисла пауза, долгая и напряженная. – Ты жив? – поинтересовалась женщина осторожно.

– Ты спятила совсем, Коваль? На хрена нам этот головняк? – почти спокойно спросил заместитель. – Ты знаешь, какие это бабки?

– Приблизительно...

– Да ты и близко не представляешь, я точно знаю! – не вынес Серега, злясь еще и на то, что Марина не посоветовалась с ним, прежде чем согласиться. – Кто приезжал?

– Начальник команды и главный тренер.

– И что ты им пообещала, моя красавица? – продолжал он. – Денежек дать?

– А ты думаешь, что они просили что-то другое? – усмехнулась Коваль, закурив и потянувшись к чашке кофе, стоявшей на столе уже минут сорок.

– И много?

– Еще не знаю, они обещали сначала документы предоставить, а потом уже смету составлять.

– Слава богу, догадалась! Юристам покажи сперва, – облегченно вздохнул Розан. – А еще лучше – меня дождись, вместе съездим.

– Так это не сегодня, дня через два только.

– А давай не будем ждать два дня, нагрянем сегодня. – В плане тактики лысая голова Марининого заместителя работала отменно, это даже хозяйка признавала. – Сработаем на опережение, пока они не замыслили какую-нибудь подлянку.

– Да с чего бы? – Коваль отпила остывший кофе и поморщилась.

– Насколько я слышал, эти ребята собаку съели на том, как кинуть кого-нибудь на бабло, – проникновенно сообщил Серега. – Короче, без меня не дергайся, я через пару часов буду.

Он положил трубку, а Марина задумалась – полученная информация расстроила, терять деньги не хотелось совершенно, только недавно, наконец, смогла как-то урегулировать дела в доставшейся в наследство корпорации мужа, и дело пошло в плюс, а не в минус, а тут снова... Крикнув домработнице, чтобы принесла другую чашку кофе, Коваль откинулась на спинку кресла, в котором сидела, и закрыла глаза.

Со дня гибели Егора прошел год, скоро день его рождения, и он же – день смерти... Ровно год без него. Год, за который Марине так и не стало легче, да и могло ли? Они были одним целым, и вот его нет, а она живет. На автопилоте почти, но жива ведь. Улыбаться почти перестала, но и плакать вроде бы тоже. Все чаще замирала в одной позе, устремив глаза куда-то вдаль, словно пыталась разглядеть будущее, которого не понимала.

За этот год Коваль научилась спать одна в пустой, темной спальне, на холодной постели, простыни которой пахнут туалетной водой Малыша – это она брызгает их его любимым «Хьюго», который сама же и покупает. Может, еще и поэтому не верит до конца в то, что он умер, оставив ее совершенно одну в этой паршивой жизни.

Когда вместо Даши кофе принес телохранитель, Марина вдруг захотела оказаться в его ручищах, которые сомнут и заставят подчиниться силе. Коваль не привыкла отказывать себе в своих удовольствиях – что и продемонстрировала немедленно:

– Женька, ставь чашку и иди сюда! – велела она, начав расстегивать пуговицы на черной трикотажной майке.

– Ты что? – удивился он, поставив кофе на стол и глядя на хозяйку. – Утро на дворе!

– И что? – спокойно произнесла она, сбрасывая майку на пол. – Тебе что-то мешает?

– Мне – нет, – заверил Хохол, да Марина и не сомневалась в этом.

Он запер дверь и шагнул к ней, зная, чем сейчас все закончится – Коваль разденется и ляжет на стол, предоставив ему в полное распоряжение свое по-прежнему привлекательное тело с высокой грудью и тонкой талией. Хохлу же останется только проявить фантазию, чтобы не разочаровать ее.

– Ты заставляешь меня чувствовать себя каким-то мальчиком по вызову, – пожаловался он, обнимая Марину после того, как все закончилось. – Бегу к тебе по свистку, гашу тебя и могу быть свободен!

– Не устраивает? – поинтересовалась она, поглаживая его коротко стриженные волосы. – Ты претендуешь на что-то большее? Извини, к сожалению, не могу ничем помочь. Если тебе надоело, можешь уйти.

– Ты говоришь это, прекрасно зная, что я никуда не уйду от тебя, не смогу. – Его губы нашли ее рот, завладели им, заставляя Марину замолчать. – Как я могу отказаться от этого? – бормотал Хохол, покрывая ее поцелуями.

– Жень, хватит, скоро Розан придет! – взмолилась Коваль. Он уже развернул ее спиной к себе и наклонил грудью на стол, но Марина уперлась руками в столешницу, сопротивляясь натиску: – Все, я сказала!

– Иди ко мне тогда, покурим, – предложил он, стаскивая ее со стола и усаживая на пол между ног. – Давай...

Марина положила голову ему на плечо и чуть приоткрыла рот; его губы накрыли ее, сигаретный дым потек в легкие, и она улетела, закрыв глаза.

– Что с тобой? – поглаживая ее грудь, спросил Хохол.

– Ты и сам знаешь, – отозвалась Марина. – Посмотрел бы кто на нас – сидим на полу в кабинете совершенно голые, курим сигарету, как косяк... И мне так хорошо...

– Хорошо? – переспросил он, заглядывая в глаза. – Раньше ты так не говорила.

– Все когда-то бывает впервые, Женька...

Приехавший вскоре Розан внимательно вглядывался в Марино лицо, но она невозмутимо смотрела на него широко раскрытыми глазами и потягивала текилу, что не привело его в восторг:

– С утра уже готовишься? Когда надоест?

– Что?

– Бухать, говорю, когда надоест тебе? – недовольно спросил Серега, постукивая пальцами по столу.

– А я и не бухаю, – спокойно ответила Коваль, опрокидывая стаканчик в рот. – Я поддерживаю равновесие.

Розан заржал, не ожидая от хозяйки ничего другого – не первый день знакомы. Развалившись в кресле, поинтересовался:

– Так мы к футболистам поедем?

– Поедем, только переоденусь.

В черных узких брюках и гипюровой майке в обтяжку, накрашенная, с ярко-синими линзами, в длинноволосом блондинистом парике, Марина спустилась в гостиную, где беседовали Розан и Хохол.

– ...не вспоминает вроде, но по ночам плачет, я ведь слышу, когда встаю проверить, – говорил телохранитель, стоя спиной к окну.

– А ты что, не спишь с ней? – подколот Розан, и Хохол тихо рявкнул:

– Рамсы попутал? Не твое дело!

– Я ж не про подробности спрашиваю, гашишь потихоньку, да и ладно! Пьет она опять много, неужели не видишь?

– Вижу.

– Так сделай с этим что-нибудь!

– Был только один человек, способный сделать что-то с Коваль, – отрезал Хохол. – Я не могу сказать ей «не пей», потому что пьет она, только когда вспоминает...

– Ага, а вспоминает каждые тридцать минут! – подхватил Розан. – Соображаешь, чем кончится?

– Не волнуйся, не сопьюсь! – От звука ее голоса Розан вздрогнул и обернулся:

– Вот! – ткнул он пальцем в сторону Марины, насмешливо на него глядевшей. – И эта дурацкая привычка подкрадываться за спиной! Мне не пятнадцать лет, я так инфаркт заработаю!

– А ты не молоти ерунды, и бояться нечего будет, – посоветовала Марина, беря со стола мобильный и пачку сигарет. – Поехали.

– Куда ты вырядилась в летнюю майку? – недовольно пробурчал Хохол, подавая шубу. – Простынешь!

– Ты в трубу вылетишь со своим танком, к нему сзади цистерну с бензином надо цеплять, когда печка работает! – поддел Розан, не упускавший возможности намекнуть, что пора бы сменить «Хаммер» на нечто более практичное.

– У меня нет финансовых проблем.

– Скоро будут! – пообещал Серега. – С твоей любовью влезать в авантюры точно разоришься! Этот футбольный клуб тебя и сожрет с потрохами.

– Ой, хватит уже! Еще ничего не ясно, а ты уже ноешь! Может, я им еще откажу.

– Ага! Откажешь ты, другому расскажи, кто тебя не знает! Уже одно то, что они произнесли волшебные для тебя слова: «Малыш обещал», – гарантирует твое согласие процентов на девяносто восемь! – отмахнулся он, выходя вслед за хозяйкой из дома и подавая руку, чтобы не поскользнулась на крыльце.

– Ты оставишь меня в покое или нет? Почему ты вечно стараешься меня разозлить? – не вытерпела Марина, срываясь на крик. – Задолбал, на хрен!

– Все, не ори! Молчу.

Хохол открыл дверцу, помог Коваль сесть, сам плюхнулся вперед, кивнув водителю. Бывший каскадер Юрка носился как угорелый, почему и состоял при Марине уже несколько лет, потакая ее привычке нарушать все мыслимые и немыслимые правила движения. Никогда, просто ни разу, ее джип не стоял в пробках и не волокся по дороге со скоростью черепахи.

– Не удивлюсь, если мы когда-нибудь разобьемся. – Хохол терпеть не мог этого состояния, когда Марине становилось безразлично все, в том числе и собственная безопасность.

– Женя, жизнь – это вечная очередь за смертью. Бывает, что кто-то пытается пролезть первым, но это не про меня. – Она отрешенно смотрела на проносящиеся мимо голые деревья и чувствовала, как замучила ее эта зима, как она устала за этот бесконечный год, как хочет отдохнуть, просто полежать на пляже, не думая ни о чем.

«Может, Розан прав – а ну их всех к черту? Нет, раз Егор обещал, я не должна им отказывать. Интересно, а видит ли он оттуда, сверху, как я живу здесь без него?»

У офиса футбольного клуба на Павловке машин не было, если не считать таковой припаркованную старую «Волгу» с эмблемой на дверке. Два джипа Коваль выглядели тут просто неуместно – особнячок был старый, обшарпанный, явно не видевший ремонта последние лет тридцать. По скрипучей лестнице Марина с трудом поднялась на второй этаж, что было подвигом при остаточной хромоте – нога так и не желала восстанавливаться, и Коваль уже привыкла к необходимости опираться на трость.

– Что-то подсказывает мне, что дела обстоят еще хуже, чем казалось на первый взгляд, – оглядываясь по сторонам, протянул Серега.

– Уже вижу, – отозвалась Марина, думая о другом. – Проблема еще вот в чем – я ж левая совсем в этом футболе, и не упустят местные деятели возможности поймать меня на этом и поиметь... Усекаешь?

– А то! Есть один выход – помнишь Ваську Марадону? Ну, маленький такой, у Дрозда в бригаде был?

– Ну?

– Что – ну? Он раньше в футбол играл, и даже, кажется, в высшей лиге где-то. Вот его мы и подтянем, чтобы быть в курсе дела.

– И что мне это даст? – спросила Коваль, разглядывая какую-то схему на стене.

– Да хоть в общих чертах будешь представление иметь, о чем речь, – вздохнул Розан. – И что за характер у тебя, вечно лезешь куда-то, не разбирая дороги!

– Ладно, хватит! Пошли посмотрим, что там у них!

В кабинете директора клуба за столом сидели четверо. Увидев вошедшего первым Хохла, один из них заорал:

– Молодой человек, стучаться надо!

– Тук-тук! – невозмутимо и без намека на юмор сказал Хохол. – Входите, Марина Викторовна! – и отошел, впуская ее.

Компания уставилась на вошедшую женщину в восемь глаз. Она же, совершенно не смущаясь, прошла прямо к столу и непринужденно поздоровалась:

– Добрый день тем, кого не видела! Надеюсь, не помешала?

– Нет-нет, – заторопился, вскакивая и подбегая к ней, начальник команды Иван Петрович Рассадный. – Садитесь, Марина Викторовна!

– Сесть успею, с этим спешить не стоит, – пошутила Марина, усаживаясь на предложенный стул и вешая свою трость на спинку.

Она сбросила шубу, Хохол подхватил, и все четверо спортивных деятелей, как по команде, уставились на Марину.

– Нравится? – спокойно спросила она, устав от затянувшейся немой сцены. Сзади тихо фыркнул Розан, а спортсмены, покраснев, спешно отвели глаза. – Ну, раз вас все устраивает, думаю, Иван Петрович сейчас нас познакомит.

– О, простите, Марина Викторовна, я что-то растерялся. Знакомьтесь – это наш будущий президент клуба, Марина Викторовна Коваль, новая владелица «МБК». А это наш тренерский штаб и все руководство, так сказать.

Седой толстяк оказался директором клуба Эдуардом Васильевичем Ежовым (его Розан сразу окрестил Ежиком), молодой хореk с бегающими глазками – пресс-атташе Михаилом Речневым (Писарем, если по-розановски), а с главным тренером Марина уже была знакома с утра – высокий кудрявый блондин с длинной шевелюрой именовался Игорем Сергеевичем Ореховым. Рассадный протер свои очки в старомодной роговой оправе, вытер вспотевший лоб платком и сел напротив Коваль, сочтя процедуру знакомства завершенной.

– Я, в свою очередь, хочу представить вам моего заместителя, правда, к «МБК» он отношения не имеет, но делами клуба заниматься будет вместе со мной. Сергей Тимофеевич Розанов, – сказала Марина, закулив, и кивнула в сторону Сереги, не ожидавшего от хозяйки такой пакости, как участие в управлении футбольным клубом. – Еще вопрос – это все руководство или я кого-то увижу позже?

– В принципе почти все, – отозвался Ежов. – Есть еще второй тренер, тренер по работе с вратарями, врач, массажист, администратор, но он болен сейчас. Да, и два водителя – «Волги» и автобуса, на котором игроки ездят. Ну, и бухгалтеры – трое.

– Этих сразу сокращаем, вместо трех достаточно одного, – заявила Коваль. – Дальше. Мне нужны все финансовые отчеты, все контракты игроков и руководства за прошлый сезон, словом, вся документация, в которой фигурируют деньги. Сколько времени вам нужно, чтобы предоставить все это?

– Миша, три зеленые папки у меня в кабинете на стеллаже, – распорядился Рассадный. – Это контракты, а отчеты я привезу вам завтра к вечеру, не успели еще... Позвольте узнать только, а зачем вам старые контракты?

– Вы меня удивляете! Я же должна посмотреть, какие суммы проходят через клуб, иначе как бухгалтеры составят смету расходов? – подняла она вверх брови.

– Понятно, – протянул начальник и переглянулся с директором.

Внимательно наблюдавшая за ними Коваль поняла, что дело тут темное, прав Розан. Появились обещанные папки, Марина кивнула Сереге, и тот взял их.

– Что же, я думаю, на сегодня все. Как только изучу, соберу вас снова.

– Подождите, Марина Викторовна, – забеспокоился начальник команды. – Ребята выходят из отпусков десятого января, мы планировали сборы на Кипре числа с пятнадцатого...

– И что вас останавливает? – поинтересовалась Марина, заранее зная ответ.

– Ну... словом, финансы не позволяют провести сбор.

– Сколько?

– Сто сорок тысяч.

– Сколько?!

– Поймите, это тридцать восемь человек, проживание, дорога, аренда полей...

– И что – в зеленых бумажках? – совсем уж глупо уточнила она, получив утвердительный ответ. – Круто! – оценила Коваль, постукивая по столешнице длинными ногтями, покрытыми черным лаком. – И кто у нас отвечает за организацию сборов?

– Я лично и администратор Кирилл. – Рассадный никак не мог оторвать взгляд от этих рук, на которых, кроме тонкого обручального кольца, больше не было никаких украшений.

– Хорошо. Через пять дней подъедете в офис «Империи удачи» к Сергею Тимофеевичу, он выдаст деньги под расписку.

– Почему под расписку? – поморщился Рассадный, не сумев сдержать эмоции, но тут Коваль уставилась прямо в его очки и тихим, зловещим голосом произнесла:

– Потому что я даю деньги только на своих условиях. И ты – не исключение.

Он заметно побледнел и закивал головой, соглашаясь.

– Хохол, шубу!

Телохранитель подал норку, укутав хозяйку мехом, протянул трость, и Марина отклонялась, плотно прикрыв дверь, но не забыла кивнуть Розану, чтоб остался и послушал. Сидя в джипе, она курила и ждала. Розан прибежал довольный:

– Ну, шуганула ты их, Коваль! Ух, говорят, сука хромая, прости за дословный перевод, деньги под расписку, а погреться как? Будут, говорят, проблемы у нас с этой бабой как пить дать! Но, говорят, выход всегда можно найти, раз хочет бестолковая телка с деньгами расстаться, так, мол, отчего бы не помочь? Короче, будут они чудеса творить, скажу я тебе! И ведь не догнали, кто ты, уроды беспонтовые! – заключил Серега, не замечая, какое впечатление произвели на Марину его слова о хромой ноге.

Зато Хохол все понял и, думая, что хозяйка не видит, ткнул его кулаком в бок и чиркнул себе ребром ладони по шее. Розан, спохватившись, закрыл рот рукой и виновато посмотрел на нее:

– Коваль, гадам буду – не хотел!

– Да ладно! – бросила она, отворачиваясь. – Поехали домой, я устала.

– Маринка, ну, прости, – стукнул себя в грудь кулаком Серега. – Ну, не подумал! В другой раз отфильтрую! Хочешь, на колени встану? – И он бухнулся на колени прямо в мокрый снег.

– Прекрати цирк! – приказала Коваль, поморщившись. – Люди правду сказали – сука хромая, чего там!

Хохол скинул куртку, пошел было обратно к двери особнячка, но Марина заорала, топнув ногой:

– Назад! Испортишь все! Вернись, я сказала!

Он нехотя подчинился.

– Зря ты, надо было хоть руку кому-нибудь сломать! – буркнул телохранитель, отряхивая снег с кожанки.

– Женя, прекрати, я прошу тебя, – устало сказала Коваль. – Ничего не случилось.

– Я не могу видеть, как ты переживаешь, я все равно отделаю кого-нибудь из этих козлов, – угрюмо отозвался он, садясь рядом с ней в машину. – Только не плачь, – попросил он, заметив, как хозяйка закусила губу, пытаясь справиться с подкатившими слезами. – Не плачь,

киска моя, ты самая лучшая. – Он повернул к себе ее лицо и принялся целовать куда придется, так как она уворачивалась. – Не надо, девочка, не...

– Не зови меня так! – рявкнула Марина, вырываясь из его рук. – Не смей никогда звать меня так, у тебя нет на это права!

– У меня вообще нет никаких прав, я ж зэк, пададь! Куда мне! – огрызнулся неожиданно Хохол, отодвигаясь и застегивая куртку. – И так выше головы залез – гащу саму Коваль, когда ей припрет! Такую красюху оторвал – братва обзавидовалась!

– Крыша поехала? С кем разговариваешь?! – возмутилась она, недовольная этим выпадом.

– Простите – забылся! Домой приедем – в карцер пойду!

– Ты что – спятил совсем? Что происходит?

– Да не могу я смотреть на тебя! Похоронила себя заживо со своей любовью! Езжай, ляг рядом с ним и заройся, на хрен! – заорал он в ответ, хватая ее за плечи и притягивая к себе. – Прекрати ты все это, Коваль, все, нет его больше, умер он, понимаешь?! Но ты-то ведь живая, совсем молодая еще, что ж ты делаешь-то с собой?

– Отпусти меня! – приказала Марина, глядя ему в глаза. – И прекрати доставать своими разговорами.

– Уже!

Дома он сразу ушел к себе и запер дверь изнутри – обиделся. Приехавший следом Розан опять начал разговор насчет того, что наговорил лишнего, но Коваль пресекла:

– Заткнись или убирайся отсюда к чертям, надоел уже!

– Все, родная, не буду больше, – пообещал он. – Давай-ка обсудим кое-что по этому клубу.

– Давай, только за ужином – есть хочу, аж трясется все! Даша, накрой нам в гостиной! – крикнула Марина.

За ужином Хохол мрачно помалкивал, зато хозяйка с Серегой трещали как заводные, – она зарядилась текилой, он пил водку, и это сделало обоих благодушными и мирными.

– Ты бы поменьше дразнила этих уродов своими нарядами! – попросил зам, поглощая фирменные Дашкины котлеты с сырной корочкой. – Слушай, а может, ты на сборы с ними рванешь? – неожиданно предложил он, с довольным видом отвалившись от стола и закуривая.

Возникла пауза. Хохол, сведя к переносице брови, недовольно глядел на Розана, Марина тоже не сразу нашлась что ответить. Серега сделал рукой жест, призывающий к скорейшим раздумьям и принятию решения.

– А это мысль! – загорелась вдруг и Марина. – Посмотрю, что и как, только... блин, жалко, что они меня в лицо теперь знают! Было бы неплохо имидж поменять и со стороны посмотреть, что они делают на этих самых сборах!

– Сними парик, линзы убери, и никто тебя не узнает! Ты ж совершенно другая сейчас, посмотри – даже я не узнал бы! Правда, вот тело твое роскошное... – подколот Серега, забыв, что рядом Хохол, за что и поплатился, опрокинувшись со стула на пол. – Бля, урод, рехнулся, что ли?! – заорал он, вскакивая на ноги.

– Рамсить будем? – спросил побагровевший от злости телохранитель, сжав кулаки. – Или сразу извинишься?

– Да что я сказал такого? А то не знает никто, чем вы тут занимаетесь!

– Я спросил – извинишься или экран тебе попортить?

– Вы закончили, мальчики? – невинно поинтересовалась Коваль, постукивая ложечкой по чашке с кофе. – Может, хватит уже? Что делите-то?

– Тебя, дорогая, как выяснилось! – огрызнулся Розан. – Твой нянь совсем сбрендил – к каждому столбу тебя ревнует!

– Ты заткнешься или нет? – В голосе Хохла слышалась явная угроза, он был жутко злопамятным и обиду таил долго, всегда находя случай поквитаться, поэтому Розан счел за благо промолчать и не обострять конфликт.

– Сядь, пожалуйста, – тихо попросила Марина, взяв Хохла за руку, и он подчинился, словно прикосновение руки успокоило его.

– Не пей больше, – угрюмо бросил он, глядя на то, как она наливает текилу.

– Как скажешь, дорогой. – Коваль отставила стакан и взяла сигарету.

– Скучно с вами! – заявил Розан, вставая из-за стола и направляясь к выходу. – Пойду с Дарьей парой слов перекинусь.

– Ночевать не оставлю, даже не надейся! – предупредила хозяйка. – Взял моду! У меня не ночлежка.

– Ой, злая ты, Маринка! Как я под балдой поеду, подумала?

Розан смотрел жалобно, хлопал ресницами, изображая вселенскую скорбь, но Марина осталась непреклонна:

– А мне-то что? Не пей за рулем!

– Я тогда у Дашки останусь, – пригрозил он.

То, что домработница Даша неровно дышит к Сереге, Марина знала давно. Стоило только появиться во дворе его «Чероки», как с головы Дарьи моментально исчезала цветная косынка, белокурые, чуть выющиеся волосы распускались по плечам, спина выпрямлялась, а круглое, приятное лицо озаряла улыбка. Марина только посмеивалась, наблюдая за влюбленной домработницей. К Даше она была очень привязана, за те годы, что Коваль прожила в этом доме, заботливая женщина хорошо изучила привычки молодой хозяйки, окружала ее вниманием, как родную дочь. Так что на забавы Даши и Розана Марина смотрела сквозь пальцы.

– И флаг в руки, но мне на глаза не попадайся!

– Хорошо, золотая моя, искать будешь – не найдешь! – заверил Серега, направляясь в сторону кухни, где брякала посудой Даша.

Хохол мрачно смотрел телевизор, где в «Новостях» рассказывали о результатах местного конкурса красоты. Победила длинноногая блондинка с глуповатым лицом; стояла на подиуме в накинутой на плечи норковой шубке и старательно хлопала накрашенными ресницами, демонстрируя удивление по поводу своей победы. Коваль усмехнулась – зачем так играть, когда любому дураку понятно, что если за твоей спиной видна улыбающаяся морда Макара, то вопрос о победе даже не стоит. Хохол тоже заметил сутенера, фыркнул и потянулся за сигаретами.

– Пойдем в сауну? – предложила Марина, пытаясь вернуть своему телохранителю хорошее настроение, но Хохол неожиданно отказался:

– Не хочу.

– Да и пошел ты! – разозлилась она. – Заколебали все!

Коваль развернулась и вышла из гостиной, прихрамывая. Через час, вся распаренная и расслабившаяся, она лежала на полке в сауне и плакала. Еще два дня – и годовщина у Егора, опять появится толпа притворно сочувствующих, в глаза выражающих соболезнования, а за спиной злорадно потирающих руки... Так было на девять дней, на сорок, на полгода... откуда столько мелких людишек вокруг? Марина никого не звала на поминки, но всегда кто-то притаскивался. Возможно, ей просто казалось, что все так плохо, но скорее всего так и было – слишком много Малыш оставил ей, слишком многих обошел. Женщина, да еще совсем молодая, с такими деньжищами, с такими связями... Мало кому это нравилось, скорее – наоборот.

Дверка отодвинулась в сторону, появился телохранитель, молча залез, сел за спину и обнял Марину громадными ручищами. Уткнувшись лицом в мокрые волосы, покаянно пробормотал:

– Киска моя, прости идиота, не знаю, что накатило... не могу без тебя, прости...

– Я не сержусь на тебя, Женька. – Она положила руки на его пудовые кулаки и прижалась затылком к плечу. – Просто ты стал какой-то... не знаю, чужой совсем. Я измучила тебя, со мной очень трудно.

– Неправда. С тобой хорошо.

– Хочешь, я разрешу тебе спать у меня в спальне?

– Нет.

– А...

– Я не лягу в постель, в которую ложился Малыш, – отрезал Хохол, вынимая ее из сауны. – Даже не проси меня. Ты будешь спать у меня, когда захочешь.

– Как скажешь, дорогой, – отозвалась Коваль, обнимая его за шею и прижимаясь всем телом. – Все, что ты захочешь.

– Так прямо и все?

– Я никогда не бросаю слов на ветер, ты ведь знаешь.

– Ох, нарвешься ты, Коваль! – предупредил Хохол, заноса Марину в свою комнату и укладывая на постель. – Вот и шконка моя, ждет нас с тобой, моя киска...

Она растянулась на постели, наслаждаясь движениями его рук по телу.

– А ведь я боюсь тебя, Женька, – призналась вдруг Марина. – Ты меры не знаешь, я боюсь, что ты не сможешь остановиться, искалечишь...

– Ты меня боишься? – расстроено повторил он, обнимая ее. – Боишься? Да я лучше нос себе откушу, чем причиню тебе вред, неужели ты не понимаешь?

– Не обижайся, – попросила Коваль, целуя его. – Хочешь, расскажу, как меня тобой пугали, сперва Череп, потом Малыш? Больше всего на свете я боялась попасть тебе в руки, оказаться с тобой в одном помещении. Я смотрела на тебя и боялась встретиться глазами, чтобы ты, не дай бог, не захотел познакомиться со мной поближе. А где-то глубоко внутри мне было интересно узнать, какой ты. Меня привлекала исходившая от тебя опасность. Помнишь, когда я впервые оказалась в твоей комнате? Ты не впустил меня тогда, а я была готова на все, правда.

– Я побоялся, что потом меня Малыш убьет. Впервые, наверное, испугался. Но ведь все знали, как он тебя любит и что может в случае чего. – Хохол улыбнулся, легонько щелкнув Марину по носу.

– А мне было все равно, что сделает Малыш со мной и что – с тобой. А помнишь, когда мне все же удалось затащить тебя в постель? – Коваль посмотрела в его глаза – они как-то странно светились, воспоминания о той ночи доставляли Хохлу явное удовольствие. – Ты боялся меня, Женька, и мне это нравилось – я заставляла бледнеть человека, о чьей жестокости ходили легенды!

– Представь, каково было мне? Я не верил, что это происходит на самом деле – сама Наковальня, жена Малыша, пришла ко мне и сказала – возьми. А там, в Египте? – Хохол положил ее сверху, прикрыв простыней. – Я хотел тебя так, что даже думать ни о чем не мог, мне нужно было трогать тебя, целовать.

– По-моему, тебе удалось все, чего ты хотел, – заметила Марина, разглаживая его брови пальцами.

– Удалось. Я получил от тебя все, на что ты только была способна...

Марина надеялась, что он не настанет, этот день, который так невыносимо проживать... Надо вставать, ехать на кладбище, где соберется толпа народа, а так хотелось бы побыть совсем одной, просто посидеть, положить цветы и поговорить всласть с мужем, поплакать, наконец, но чтобы только не видеть никого, не слышать траурных речей, воспоминаний от чужих людей. Не выйдет, конечно, а так хочется! И ехать нужно прямо сейчас, говорят, мертвые ждут гостей именно утром...

Позавтракать Марина не смогла – ничего не хотелось, только кофе и сигареты, штук пять, аж в горле запершило. Хохол поругался, но скорее для вида, понимал прекрасно, как ей тяжело и плохо. Он смотрел на хозяйку сочувственно, представляя, что именно ей предстоит пережить сегодня. Его сочувствие не раздражало, не доставляло никаких неприятных ощущений – Хохол стал членом семьи, если бы не он, неизвестно, что было бы с Мариной. Наблюдая, как методично рассовывает он по карманам какие-то таблетки и пузырьки, Коваль усмехнулась:

– Аптеку ограбил, дорогой?

– Лучше пусть будет и не понадобится, чем наоборот, – безапелляционно высказался телохранитель.

– Ты ведь знаешь, что мне это не поможет, – текилу прихвати, она надежнее.

– И текилу прихвачу, не переживай. – Он посмотрел на Марину пристально, но она не плакала, держалась. Еще успеет.

Чем ближе подъезжали к кладбищу, тем сильнее сжималось ее сердце, покрываясь ледяной коркой. Ноги сами несли к черному памятнику с одной-единственной датой. Слава богу, никого не было, и Коваль смогла приблизиться к могиле и прошептать, привалившись лбом к холодному мрамору:

– Ну, здравствуй, любимый мой, здравствуй, Малыш! С днем рождения тебя, родной мой. Как ты там без меня, скучаешь, наверное? Вот и я скучаю, мне так плохо без тебя, Егор...

Краем глаза она видела, как отвернулся, смахивая слезу, Розан, как нервно ломает в пальцах сигарету Хохол, как топчутся, не смея поднять глаз от земли, Данил и Юрка – охрана не выражала сочувствия вслух, зная, что Коваль терпеть этого не может.

– Хохол, налей мне! – приказала она, и тот подчинился, протягивая стакан с текилой, которую Марина выпила залпом, даже не закусывая.

Розан тоже замахнул стаканчик, хоть и за рулем был. Да что такое стакан текилы для Розана – так, невидимые миру слезы! Равно как и Марине теперь. Они стояли вокруг могилы и молча курили, Коваль смотрела на памятник, и в голове никак не укладывалось, что вот это – все, что осталось от ее мужа. Пацаны отгребли снег, расчистили все вокруг, и Марина положила под плиту букет белых роз. Белые цветы на черном мраморе – по традиции...

Смахнув с глаз слезы, она пошла прочь от этого места, где становилось еще тяжелее. Хохол догнал уже у выхода, обнял за плечи, но Коваль вырвалась:

– Пусти! Не хочу, чтобы Егор видел, во что я превратилась.

– Зачем ты так?

– А что, это как-то по-другому называется? – жестко спросила она, выхватывая из пачки очередную сигарету и нервно щелкая зажигалкой.

– Не мучай себя, ты тут ни при чем. – Хохол все же притянул ее к себе, преодолев сопротивление. – Он простил бы тебе, если бы был жив.

Вот они, волшебные слова, после которых можно всласть поплакать...

– Позвони Ветке, пусть приедет вечером, – всхлипывая, велела Марина, опуская черные очки на заплаканные глаза.

– Зачем?

– Не спрашивай – сделай! – отрезала она, выбрасывая окурочек.

– Не звони, Хохол, – встрял Розан, шагающий следом за ними. – Ничем хорошим не кончится, я тебе обещаю! Они нажрут до полного беспредела и рванут по кобелям, так всегда бывает, я-то знаю!

«Давненько не получал Серега Розан по наглой морде, сейчас исправим!» – зло подумала Марина и исправила, со всей силы врезав ему в нос кулаком.

– Надеюсь, теперь у тебя отпадет охота комментировать мою личную жизнь? – поинтересовалась она, с удовольствием наблюдая за тем, как Розан зажимает кровоточащий нос.

– Достала! Когда ты прекратишь объясняться с помощью кулака, Коваль? – прогнусавил тот.

– Когда ты перестанешь указывать мне, как и что делать.

– Уже!

– Вот и славно. Поехали домой.

Марина так продрогла на кладбище, где ветер всегда почему-то пробирает до костей, что сразу пошла в душ, под горячие струи, долго растиралась мочалкой, пока кожа не покраснела. Набросив теплый халат и замотав мокрые волосы в узел, спустилась в гостиную к Хохлу и Розану, которые сидели в креслах перед накрытым столом и пили. Вернее, пил Розан, а телохранитель, боясь сорваться, потягивал пиво прямо из банки, чего Коваль не выносила. Подойдя вплотную, она отняла у него жестянку и перелила пиво в стакан, вернув его Хохлу:

– Держи! Просила ведь не пить из банки! Ветке звонил?

– Звонил, – неохотно ответил он. – Едет уже.

К тому времени, как до них добралась Веточка, Марина успела нормально нагрузиться и уже плоховато соображала.

– Может, спать пойдешь? – спросил Хохол, не особо надеясь на успех – видел, что ее повело, сейчас напьется до полного изумления.

– Нет. Неси еще бутылку, эту я уже освоила.

Освоить пришлось еще пару, Ветка от такой дозы вспылала неземной страстью к Розану, которого в трезвом уме и здравой памяти терпеть не могла, но под синим кайфом и он годился.

Марина же ясно и четко видела перед собой лицо Малыша – синие глаза, седые волосы, чуть опущенные уголки рта. Зрелище было настолько реальное, что она даже застонала от ужаса.

– Что с тобой? – наклонился к ней Хохол, неприязненно глянув на уже полуголую Ветку, сидящую на руках у Сереги, тоже не совсем свежего и одетого.

– Мне плохо, Женька... – выдохнула Марина, хватая его за руку.

– А то! Почти три литра в два рыла выпить – кому хорошо будет! Идем, спать надо, завтра умирать весь день будешь! – Он поднял хозяйку на руки и бросил обнявшимся Ветке и Сереге: – Не орите тут, идите в гостевую!

– О, а Коваль опять повезло! – захохотала пьяная ведьма, но Хохол рявкнул так, что та прикусила язычок:

– Захлопнись, дура! Чтоб я ни звука не слышал – урою, на хрен!

– Все, Женечка, мы тихонько посидим и спать пойдем! – присмирела Веточка, прекрасно помнившая, как крут бывает Хохол, если его достать.

– Да можете даже полежать, мне по фигу, но только чтоб тихо было – Маринка завтра и так с постели не встанет! – предупредил он, унося Коваль в спальню.

– Женя, не уходи, пожалуйста, – пробормотала она, когда он раздел ее и уложил, укутав покрывалом. – Останься со мной, я очень тебя прошу...

– Я не могу... я слово дал...

– Прошу тебя, мне очень плохо и страшно, не оставляй меня одну, Женя...

Он подчинился, правда, неохотно, и Коваль, обняв его и устроившись удобнее, провалилась в тяжелый, пьяный сон.

Утром голова трещала от дикого похмелья, руки тряслись, как у последней пьянчужки, Хохол предложил даже опохмелиться, но какой-то внутренний голос подсказал Марине, что лучше этого не делать.

– Дойдешь со своим футболом, – проворчал он, и Марина вспомнила:

– Кстати, Розан еще здесь?

– Где ж ему быть, козлу похмельному! Лежит в гостевой, стонет на весь дом, уже три банки пива высосал – не помогает. Здорова Ветка текилу лакать! Розана уделать – это ж уметь надо!

– Значит, Серега в ауте, придется самой ехать.

– Куда?

– К футболистам, я ж им денег обещала.

– Не поедешь никуда, не пушу! – восстал Хохол.

– Хотелось бы понаблюдать, как ты сделаешь это, дорогой, – холодно взглянув на него, сказала Коваль.

– Очень просто – надену наручники, и к спинке!

Она потянула его к себе и прошептала:

– Если ты хочешь, то по возвращении можешь так и сделать, я слова не скажу...

Хохол покраснел, злясь, что она всегда угадывает его тайные желания. Словом, Марина уговорила его поехать в «Империю удачи», хотя меньше всего на свете сейчас ей самой хотелось вставать и куда-то ехать.

Как она и предполагала, футбольные деятели попытались выудить у нее не сто сорок, а сто пятьдесят тысяч, мотивируя это необходимостью иметь свободные наличные деньги для расчетов с массажистами, водителями и прочей услугой. Но тот, кто развел Коваль, еще не родился, и пришлось мужикам соглашаться на то, что дают. А у нее после их ухода созрело твердое решение ехать на Кипр и на месте убедиться, как и куда уходят деньги. Придется все же менять имидж, чтобы не опознали, да и с Хохлом надо что-то делать – уж больно внешность колоритная.

– Женька, едем в «Бэлль», – велела она, садясь в джип и откидываясь на спинку сиденья.

– Зачем? – удивился телохранитель.

– Будем менять внешность.

– Это зачем еще? – подозрительно покосился в ее сторону Женька, ожидая, как обычно, подвоха.

– Я еду на Кипр, но мне надо, чтобы эти козлы меня не узнали. И тебя, кстати, тоже.

– Ты мне предлагаешь волосы выкрасить, как петуху последнему? – возмутился он до глубины души.

– Фантазии у тебя нет, Хохол! Мы тебя наголо побреем и отрастим бородку с усами.

– Точно, за петуха начнут принимать! Ты совсем берега потеряла, Маринка! Мне в падлу в таком виде на люди!

– Не ори, а? – попросила Марина. – Это ненадолго, приедем – сбреешь. Может, еще самому понравится.

Ее идея была ему отвратительна, Коваль прекрасно видела, но была непреклонна, и Хохол с ворчанием согласился.

Девчонки в салоне встретили хозяйку радостно – она не приезжала к ним целых три месяца, было просто не до того, некогда тратить время на поездки за красотой, да и стимула тоже не было.

– Марина Викторовна, как можно так себя запускать? – ругалась парикмахерша Олеся, разглядывая Маринины волосы. – Какого вы цвета, скажите, пожалуйста, а то не разберу уже?

– Леся, крась в черный, не думай. И наращивать тоже будем, насколько возможно.

– Да я-то могу хоть в пол, только как ходить будете?

– Давай подлиннее, и цвет поярче, чтоб глаза рвало! – приказала Коваль, приготовившись к утомительному и долговременному процессу.

Через несколько часов узнать ее не смог бы и Хохол – рваная челка и иссиня-черные волосы, нарощенные до середины спины, сделали лицо еще более бледным.

– Линзы зеленые поставьте, – посоветовала Олеся из-за плеча. – Эффект будет сногшибательный!

– Где там мой нянь, пусть оценит, – потянулась Марина и вздрогнула, увидев в зеркале за своей спиной обритую наголо голову Хохла. «Мать моя, ну и морда у него!»

– Не нравится? – усмехнулся он, проведя рукой по бритому затылку. – Отвык я от таких причесов, самому дико – как на зону еду!

– Да-а! – протянула она. – Но бороду все равно отрастим, хоть немного цивилизованнее выглядеть будешь. Может быть.

Он захохотал, выдергивая Коваль из кресла и подкидывая вверх:

– Красотка моя! Ништяк девки сработали – не узнал бы, если бы рядом не сидел!

– Пусти меня, все испортишь! – отбивалась она, болтая ногами в черных замшевых сапогах без каблучков.

– Нет! – бросив Олесе и стригшей его самой Наталье по сто баксов, он вынес хозяйку к машине, прихватив с вешалки шубу. – Поехали, в кабаке посидим? – предложил он, и Марина согласилась – до вечера оставалось не так много времени, да и голова почти прошла.

– Пить только не давай мне, – попросила она, уже не надеясь на собственную силу воли и сознательность.

– Тебе не дашь, пожалуй! – усмехнулся Хохол. – Ты совсем берегов не видишь в последнее время, пьешь, как синячка какая! И все равно я от тебя балдею, моя киска... – Это было сказано шепотом на ухо и сопровождалось легким укусом за мочку уха.

– Не зарывайся! – строго сказала Коваль, щелкнув его по носу. – Мы не дома. В «Шар» не хочу, поехали в «Латину». – Предложение возникло само собой и поддержано было с неохотой – Хохол дико ревновал ее к Карлосу, который по-прежнему работал в клубе, ставил шоу. Правда, Марина давно его не видела – после ранения в позвоночник желание танцевать исчезло...

– Больше некуда?

– Я ж не танцую теперь. Между прочим, Егор меня к нему не ревновал.

– А я буду! Моя женщина останется только моей, делить не стану!

– Ты не попутал? Я – не твоя женщина, – отрезала она, помрачнев.

– Прости...

Он отвернулся в сторону, вынул сигареты, закурил, выпуская дым и щурясь. Коваль молчала – ей не нравилось то, что он сказал, никто на всем свете не имел прав на нее. Только Малыш. Хохол тоже понял, что хватил через край, выбросил окурок в окно и притянул Марину к себе, заглядывая виновато в глаза:

– Ну, прости дурака, не буду больше. Я знаю, о чем ты думаешь, вернее – о ком. Даже мертвый, он не выпускает тебя из своих рук, чертов собственник...

– Не смей! Не смей никогда, слышишь, никогда не смей говорить о Егоре вообще хоть что-то! – заорала она, выдираясь из его рук. – Ведь я просила тебя!

– Да не ори ты! – разозлился Хохол, прищулив глазищи. – Молись на своего Малыша, надо же – святой нашелся! Гулял от тебя направо и налево, а ты...

Забыв, что перед ней не Серега Розан, Коваль размахнулась и врезала ему кулаком в нос – и тут же оказалась подмятой под сильное и тяжелое тело:

– Спятила, женщина? А если в ответку получишь?

– Попробуй! – Она смотрела на него враждебно, стараясь выбраться или руки освободить, но это было просто невозможно – сто десять килограммов как-никак... – Пусти!

– Нет. Поцелуй меня.

– Пошел ты! – рывкнула Марина, потеряв всякий рассудок, и Хохол, усмехнувшись, произнес:

– Ну, тогда я сам, – и закрыл ее рот своим.

Она от злости укусила его за губу, так сильно, что почувствовала вкус крови, но это не остановило Хохла, он продолжал целовать ее, не обращая внимания на ее попытки выбраться. Пришлось расслабиться и начать получать удовольствие...

– Вот и нормально, сразу бы так, – удовлетворенно проговорил он, отрываясь от губ и расстегивая шубу. – А то сопротивляется она...

– Всю прическу испортил, бугай чертов! Убери руки, до дома не дотерпишь никак?

– А дома что?

– Дома – все, что захочешь.

– Смотри – ты обещала! Приехали, выходи – «Латина» твоя.

В ее некогда любимом ресторане ничего не поменялось – та же сцена, те же пары на ней, тот же центральный стол, за которым так любил сидеть Егор, глядя на то, как его жену крутит в страстном танце черноволосый «латинос»...

И сам «латинос» в обтягивающей синей футболке и широких танцевальных брюках, с волосами, собранными в неизменный «хвостик», – вот он, увидел, бросился навстречу, радостно раскинув руки:

– Дорогая, где ж ты была так долго? – и осекся, глядя, как Марина подходит ближе, опираясь на трость, – как многие, не верил, что она и в самом деле инвалид.

– Привет! Станцуете для меня? – спокойно спросила Коваль, усаживаясь за столик и приглашая Карлоса присесть рядом. – А то я теперь в немного нетоварном виде, так хоть со стороны посмотрю.

– Если ты – в нетоварном, то кто тогда в товарном, покажи мне! Ты стала еще лучше, чем была, не сочти за лесть. – Карлос оглядел ее с восхищением, отметив резкую смену имиджа и длинные волосы.

– Да уж! Похорошела! – усмехнувшись, ответила она, жестом подзывая официантку. – Кофе, текилу и лимон, Жанночка.

– «Айриш Крим», Марина Викторовна? – уточнила девушка и, когда та кивнула, удалилась.

– Ты не изменяешь привычкам, я смотрю. – Карлос улыбнулся и положил руку на Маринину, и тут же выросший за спиной Хохол встряхнул его за плечо:

– Не забывайся, братан!

Танцор слегка оторопел, было видно, что вмешательство огромного бугая с синими от наколок кистями ему неприятно и, более того, пугает.

– Остынь, Жень, – велела Марина, глянув на него с усмешкой – ревнует, бедолага, аж искры из глаз летят.

– Я же сказал – пусть руки уберет! – упрямо повторил Хохол, враждебно посмотрев на Карлоса.

– Проблемы какие-то, дорогой? – уставившись на телохранителя из-под челки, поинтересовалась Коваль, вытягивая из пачки сигарету.

– У меня – нет, а вот у него сейчас будут, – грозно ответил он.

Марину ситуация достала, и она кивнула Карлосу:

– Иди, у меня тут дельце личного характера. Так я увижу тебя на сцене или нет?

– Конечно, дорогая, все, что ты захочешь! – И он, поцеловав ей руку, ушел в гримерку.

Коваль повернулась к возвышающемуся над ней Хохлу:

– Присядь-ка, мой бдительный! – И, когда он опустился за столик рядом с ней, притянула к себе, схватив за водолазку: – Ты что, опять попутал что-то? Это что еще за фокусы, а? Я езжу сюда много лет, и никогда никому не приходило в голову запретить мне эти поездки или приревновать меня к Карлосу, ты – первый! Мне не нравится твое поведение, подумай об этом.

– Мне тоже кое-что не нравится, – отцепив ее пальцы от черной водолазки, сказал телохранитель. – Например, то, что ты на моих глазах заигрываешь с этим жеребилой. Он же на тебя облизывается, как кот на сметану!

– Женья, – произнесла Марина устало, затягиваясь сигаретой, – привыкни к этому – всю мою жизнь на меня кто-то облизывается, и кому-то даже удается сделать это не вхолостую. Как тебе, например. Поэтому – либо ты принимаешь все как есть, либо давай расставаться, потому что ты начинаешь посягать на мою свободу. А я не терплю этого, Женья.

– Ты меня гонишь? – тихо спросил он, взяв за руку и сжав ее.

– Я не могу тебя выгнать, ты ведь сам сказал – мы с тобой повязаны. Но свою свободу я ценю очень высоко, и даже Малыш не смел покушаться на это.

– Мне трудно, пойми, Маринка, я дурею, когда вижу всех этих козлов, которые крутятся вокруг тебя...

– Расслабься – кому нужна хромя баба! – усмехнулась она, гася в пепельнице окурочек. – Поехали отсюда на фиг, вечер ты мне испортил.

На Кипр полетели десятого января, просидев в депутатском зале аэропорта до последнего, чтобы не попадаться на глаза руководству команды. Это не входило в Маринины планы, хотя даже Ветка, знавшая ее, как себя, не узнала при встрече. Где уж мужикам, видевшим Марину всего пару раз, в ярко накрашенной зеленоглазой брюнетке с длиннющими волосами, упакованной в черный кожаный костюм и белую норковую шубу, признать своего нового президента клуба! Но подстраховаться не мешает никогда.

То, что Коваль увидела из окна, ей совершенно не понравилось – все руководство ехало на сборы с женами. Надо будет проверить потом документацию по билетам и номерам в отеле.

– Идем, уже все прошли, – взяв ее под руку, сказал Хохол.

Он выглядел совсем не как телохранитель, скорее – как любовник, что в принципе было не так далеко от истины. Марине, правда, пришлось немало потрудиться, чтобы убедить его сменить извечную кожаную куртку на длинное кашемировое пальто, а ботинки на «тракторе», которыми очень удобно пинать кого-нибудь в лицо, на модные туфли с острыми носами, но старания даром не прошли – Хохол выглядел потрясающе стильно и прилично.

– Видала бы братва! – цедил он сквозь зубы, но Коваль была непреклонна, и ему пришлось подчиниться. – Как мажор какой-то!

– Зато на человека стал похож, а не на урку в бегах! – решительно отрезала она. – И прекрати смолить «Беломор», это странно выглядит!

– Да не берут меня эти ваши беспонтовые сигареты! – возмутился он. – Я с десяти лет его курю!

– Отвыкнешь!

– Ты меня скоро через обруч прыгать заставишь! – взмолился Хохол, пытаясь получить удовольствие от «Кэмела», что удавалось ему с большим трудом.

– Надо будет – заставлю! – совершенно серьезно пообещала Марина.

Словом, работу она провернула немалую, зато теперь рядом шел вполне приличный и даже слегка вальяжный мужчина, заботливо держащий ее под руку. Похоже, Хохлу и самому начало нравиться это превращение.

В самолете Коваль откинулась на спинку кресла и не глядя взяла какой-то журнал, предложенный стюардессой. Это оказался немецкий журнал мод, Марина без особого интереса полистала его и, натолкнувшись на вкладку с выкройками, вдруг вспомнила, как Розан как-то рассказывал ей о забавной схеме мошенничества с помощью таких вот испещренных стрелками и пунктирными линиями листов.

Выйдя из тюрьмы, Серега примкнул к довольно большой бригаде автошулеров, специализировавшихся на «разводе лохов». Все выглядело просто до безобразия – один из участников группы переодевался в военную форму и представлялся офицером-вертолетчиком, вернув-

шимся из Афганистана и желающим срочно продать «Волгу». Машина действительно существовала, будущей жертве даже давали прокатиться, чтобы проверить ее. Аферист сидел на пассажирском месте, рассказывал какие-нибудь байки, отвлекал, словом. Как бы невзначай, он открывал планшет, и оттуда выпадали именно такие выкройки из журнала мод, призванные имитировать «полетные карты». «Вертолетчик» спохватывался, конфузился, прятал «карты» обратно. Затем предлагал покупателю проехать к нему домой, в квартиру, снятую, как правило, заранее. Там «офицер» долго шарил по шкафам в поисках техпаспорта, а потом сокрушенно говорил, что опять жена забрала на работу все документы – мол, идиотская привычка таскать все с собой, а потому придется подъехать к больнице, где она работает. В приемном покое «офицер» предлагал отдать ему деньги, чтобы жена убрала в сейф, а он сейчас же вынесет все документы на машину, и они вместе поедут оформлять ее. Разумеется, после того как «вертолетчик» в белой накидке на плечах и с деньгами в кармане скрывался за стеклянной дверью приемного покоя, обманутый покупатель больше не видел ни его, ни денег, ни машины, которую ловко угонял в гараж второй участник «развода». Незатейливая и даже в чем-то откровенно глупая схема работала безотказно и довольно долго, принося бригаде неплохую прибыль. «Офицер-вертолетчик», прошедший Афганистан, – это была убойная легенда, в которую верили абсолютно все.

Сейчас это показалось Марине смешным, однако она знала, что путем таких афер Розан поднял приличную даже по нынешним временам сумму.

Отложив журнал в сторону, она задремала, как и поступала обычно во время длительных перелетов: так время бежало быстрее.

Проснувшись от того, что Хохол осторожно гладит волосы, проводит пальцем по щеке, по губам:

– Вставай, киска, подлетаем уже.

Марина потянулась, разминая затекшее тело, и заметила жадный блеск в глазах телохранителя.

– Первое, что я сделаю, когда войду в номер...

– Остановись! – предостерегла она, прижав палец к его губам. – Не так быстро!

Отель Коваль выбрала самый дорогой, не собираясь ютиться в той дыре, что сняло для игроков руководство команды, – за свои деньги любила получать все самое лучшее. Хохол хмыкнул, разглядывая два соседних «люкса»:

– А смысл был брать два?

– Разумеется! Не будем доводить до абсурда, ладно? Всякое может случиться.

– Ты это о чем? – подозрительно спросил он.

– Ни о чем! Просто я люблю спать одна, ты же знаешь. Я привыкла, когда в постели рядом никто не лежит. И хватит об этом – давай устраиваться, и на пляж, хочу в воду.

– Холодно еще в воде-то! – возмутился Женька. – Да и на улице не совсем лето, между прочим!

– Я этого не боюсь.

Приняв душ и надев купальник, Марина прошлась по номеру и подумала, что с Малышом они всего два раза были за границей – в Египте и в Венеции, после того как ее изнасиловали. Как же хорошо ей было тогда, в том маленьком отеле, где они жили, как нравилось ей просыпаться по утрам и видеть рядом с собой любимого мужчину, единственного из всех, кто принимал Коваль такой, какая есть! И больше никогда уже этого не будет...

Вздыхнув, она набросила легкое черное платье и позвонила в номер Хохла, велев тому присоединиться. На пляже было мало народа, в основном – пожилые немецкие пары, прогревающие свои престарелые тела на теплом солнышке.

– Откуда их столько? – шепотом спросил Женька, прислушиваясь к каркающей немецкой речи.

– Это тебе не российские дедки-бабки, которым пенсии только-только с голоду не помереть хватает. Эти за жизнь накопили, теперь могут себе позволить, – откликнулась Марина. – Они же пашут с молодости как каторжные, без отпусков и отгулов, зато в старости начинают жить полной жизнью.

– Да на хрен такая жизнь в старости-то? Впечатлений надо смолоду набираться. Вон тот дед, по-моему, в сорок первом под Москвой еще был, – кивнул Хохол в сторону дряхлого на вид старичка в полосатых шортах. – Ну, точно! И план «Барбаросса» читал в подлиннике!

Тем временем дедуля неторопливой старческой походкой направился к морю, сделал пару взмахов руками и вдруг с разбега упал в воду, поплыл вразмашку, стремительно удаляясь от берега. Коваль захохотала, глядя на обескураженное лицо телохранителя:

– А ты говоришь!

Она растянулась в шезлонге, не рискуя купаться в холодном море в первый день, чтобы не простудиться.

– Ограничусь бассейном, – объяснила удивленному Хохлу, который, в отличие от хозяйки, все же сплавал до буйка и обратно.

Они провалялись до вечера, решив не идти на ужин в отель, а проехаться в город и поискать там японский ресторан, коих тут должно быть немало. В последнее время Хохол тоже стал страстным поклонником восточной кухни и даже без Марины мог засесть в «Шаре» на пару часов.

Коваль зашла в номер переодеться и застряла перед зеркалом почти на час, разглядывая свое лицо. Морщин не прибавилось, к счастью, да и губы, подправленные снова месяц назад, тоже выглядели неплохо, но вот глаза... Даже зеленые линзы не скрадывали выражения, застывшего в них намертво. Черные очки лучше не снимать. Хохла уже мутило от Мариной любви к черному, он жаловался как-то Ветке, что совсем перестал различать краски, перед глазами всегда черно от ее нарядов. Но Коваль это мало беспокоило – в этом цвете она чувствовала себя вполне комфортно. И даже на отдыхе не собиралась изменять привычкам: все, что взяла с собой, было черным, даже купальники.

Заказав по телефону аренду машины, Марина поправила прическу, сооруженную с великим трудом, так как с длинными волосами оказалось много мороки, и вышла в холл. Хохла еще не было, и она опустилась в мягкое кресло возле огромной цветочной клумбы, от которой исходил тонкий, едва уловимый запах фиалок. Коваль увлеклась рассматриванием цветов настолько, что не заметила, что и ее саму разглядывают, совсем как она – фиалки. У барной стойки на высоком табурете сидел мужчина лет сорока – сорока пяти, со светло-русыми волосами и поразительно карими глазами – довольно редкое сочетание. Марина видела такое раз в жизни, ее прежний телохранитель Макс был кареглазым блондином. Судя по небрежному шику, с которым мужчина был одет, – клиент явно не из русских, хорошо обеспеченный и обладающий тонким вкусом. Ох, любила Коваль в прошлой жизни подобных представителей мужского пола! Не будь ей столько лет, не будь она вдовой, не хромай на правую ногу – у, как бы отлично провела время с этим господином! А он продолжал изучать ее с ног, небрежно скрещенных, до черных лаковых шпилек в узле волос. Но взгляд был не хамски-раздевающий, а какой-то... словно человек смотрел на картину и старался понять, что именно так привлекло его внимание. Марина слегка улыбнулась, в душе мечтая, чтобы он не подошел с разговорами, не начал лить мутную воду про знакомство и все остальное. Не было у нее никакого желания заводить связи или даже просто дружеские отношения ни с ним, ни с кем-то еще. Словно прочитав ее мысли, мужчина едва заметно кивнул и отвернулся к бармену, заговорив с ним о чем-то.

– Вот ты где! – раздался над головой голос Хохла. – А я звоню тебе, звоню!

– Вышла посидеть немного. Поедем?

– Сейчас прокачу тебя, как ты меня в Египте катала, помнишь?

Конечно, она это помнила, еще бы! Веселая поездочка выдалась, едва не стоила потом жизни и Марине, и Ветке. А Макс не повезло, не уберегла Коваль своего мальчика, сперва позволив ему отношения с подругой, а потом не сумев отвести от него гнев Строгача, чью голову они на пару с Веточкой украсили рогами. В той ситуации меньше всех пострадал Хохол – за связь с женой Малыш не то что морду ему не набил, а даже позволил остаться в своем доме и эту же жену и охранять. Вот такая странная семейная жизнь была у Коваль...

Покатавшись по улочкам Лимассола и поужинав в японском ресторанчике на побережье, они вернулись в отель, и Марина сразу направилась к себе, упала ничком на кровать и уснула. Рано утром, когда было еще темно, она вдруг открыла глаза и села на кровати. Рядом, раскинувшись, спал Хохол. Коваль тяжело вздохнула и пошла в душ.

Там, прислонившись лбом к холодному кафелю, она вдруг разрыдалась в голос, всхлипывая и без сил опускаясь на пол кабины. Непонятно почему, но ей стало так тоскливо и тошно, что впору вешаться. Кое-как приведя себя в порядок, Марина решила прогуляться по пляжу, пока тот пуст.

Глянув на спящего Хохла, она вышла из номера, прихватив черную кожаную куртку и пачку сигарет. Стараясь не очень стучать тростью по мраморному полу, добралась до рецепшна, где ей приветливо улыбнулся ночной портье:

– Мисс решила совершить раннюю прогулку? Прохладно...

– Ничего, я люблю, когда не жарко, – улыбнулась она в ответ и вышла на улицу.

Портье не соврал – дул ветер, не очень сильный, но прохладный, и ветви пальм шелестели, тревожимые его порывами. Марина застегнула куртку и побрела к пляжу, в душе ругая себя за то, что не догадалась прихватить резинку для волос; теперь они бьют ее по лицу, взметаемые ветром, и приходится то и дело откидывать их назад. Усевшись в шезлонг на пустом пляже, Коваль собрала волосы, заплетя их в косу, закурила, уставившись на темную гладь моря. Ее охватило какое-то безразличие ко всему, казалось, рухни сейчас отель за спиной, она и головы не повернет. Позади раздался шаг, и Марина вздрогнула, поняв, что совершила глупость, выйдя на пляж одна, – мало ли кругом придурков. Сжав рукой трость, она медленно повернула голову – за спиной стоял вчерашний незнакомец. От сердца отлегло – он не напоминал маньяка.

– Извините, если напугал, – произнес он на чистейшем английском. – Увидел вас в одиночестве, осмелился подойти.

– Зачем? – поинтересовалась Марина, вынимая очередную сигарету.

– Возможно, это покажется банальным, я даже уверен, что вас и без меня одолевают поклонники и просто желающие пообщаться. Но мне хотелось бы поговорить с вами немного, если вы не против. – У него был приятный голос, негромкий, с интеллигентными нотками.

Какие-то интонации показались Марине смутно знакомыми, что-то напоминали, но что – она не могла понять. За годы, проведенные в обществе уголовников, она уже и отвыкла от таких мужчин.

– Не против, – пожала Коваль плечами. – О чем желаете поговорить? О погоде?

– Вы русская? – спросил незнакомец, присаживаясь рядом в шезлонг.

– Да. Это как-то меняет дело?

– Нет. Я передать вам не смогу, как мечтал познакомиться с русской женщиной. Ведь я знал их немало.

– Откуда?

– Я жил в России, когда был маленький. Может, мы все же познакомимся, а то неудобно разговаривать? Меня зовут Грегори, можно просто Грег, Грег Мюррей. Я из Бристоля, знаете, где это?

– Знаю – в Англии, – усмехнулась Коваль, отметив про себя, что для русского мальчика у него несколько странных имя и фамилия. – А я Марина.

– А дальше? Ведь у вас приняты отчества? – пристально вглядываясь в ее лицо, спросил Грег.

– Просто Марина, без отчества, – отмахнулась она. – Значит, вы и по-русски говорите хоть немного, раз в детстве жили в России?

– К сожалению, по-русски вообще не говорю и почти не понимаю, так, отдельные фразы на бытовом уровне. Все забылось со временем – дома русской речи я не слышал. Считалось, что нужно знать язык той страны, в которой живешь, так проще и быстрее адаптироваться. – Лицо англичанина выражало смущение и сожаление, ему явно хотелось уметь говорить по-русски, чтобы разнообразить общение.

– А чем вы занимаетесь, Грег, раз уж мы о лингвистике и способностях заговорили? – Ее на самом деле заинтересовал этот мужчина, так легко и непринужденно Марина давно ни с кем не разговаривала.

– Я владею строительной фирмой, не очень большой, правда, но преуспевающей.

– Так мы еще и коллеги! – усмехнулась она. – Я вот тоже в некотором роде строитель.

– Интересно! – подался вперед собеседник. – А можно подробнее? Если это не секрет, конечно?

– Не секрет. Мой муж погиб, оставив мне в наследство корпорацию.

– О, простите, я так бестактно вторгся в вашу жизнь...

– Ничего, Грег, я уже привыкла к этому амплу вдовы. Странновато в мои годы, но так сложилось. – Марина вздохнула и начертила тростью на песке иероглиф «судьба».

– А я думал, что мужчина, с которым вы здесь, и есть ваш муж, – сказал он, и от Коваль не укрылось какое-то непонятное выражение его глаз, устремленных на витиеватую картинку под ногами.

– Нет, это мой телохранитель. Знаете, Грег, я замерзла. Может, мы пойдем в бар? Ведь уже открыто, – предложила она, поежившись, и он согласился, подумав, очевидно, что девица решила развести его на выпивку.

Все мужики одинаковы...

В баре тоже было пусто, люди еще спали, только Марина да этот англичанин прогуливались на рассвете. Коваль заказала кофе с корицей, и Грег, к ее удивлению, сделал такой же заказ.

– Обожаю запах корицы, сам варю только такой кофе, – пояснил он, и Марина улыбнулась:

– Надо же, как много у нас общего!

Они просидели в баре часов до восьми, успев познакомиться поближе. Грег оказался интересным собеседником с хорошим чувством юмора, очень похожим на русское, а не на чопорное и глуповатое английское. Он рассказывал о своем городе, но фразы почему-то напоминали цитаты из путеводителя, и разговоры о географии сменились разговорами о кино. Появление в баре Хохла немного подпортило непринужденную беседу – он подошел к столику и без всякого почтения поинтересовался, где это хозяйку носит в такую рань, на что Марине пришлось его недалеко послать вполголоса. Он дернул плечом и сел за столик, махнул бармену и заказал кофе – хоть чему-то она научила его за все время.

– Развлекаешься, киска? – поинтересовался Хохол, вычислив, что незнакомец по-русски не понимает.

– А что – есть ограничения? – невозмутимо отпаривала Марина, затягиваясь сигаретным дымом.

– Конечно, нет, ты у меня девушка свободная. Но я должен знать, где ты и с кем!

– Ну, извини, ты спал, не хотела будить!

Коваль вдруг заметила краем глаза, с каким интересом наблюдает за происходящим Грег, и у нее возникло ощущение, что он понимает все до последнего слова и то, что он слышит, ему не нравится.

– Так, все! – пресекла Марина дальнейшие разговоры. – Сегодня мы с тобой на футбол едем. Мои играют товарищескую с какими-то прибалтами.

– О, вы интересуетесь футболом? – спросил Грег. – Я услышал знакомое слово, – пояснил он на случай, если она заподозрит его во лжи насчет языка.

– Если честно, то совсем ничего в нем не соображаю, но вот пришлось стать президентом клуба, спонсором, так сказать, теперь следует интересоваться, – отозвалась Марина на английском.

На самом деле за последний месяц Вася Марадона прилично натаскал ее во всем, что касалось правил, тактических схем, расстановки игроков, так что Коваль вполне могла разобратся во всей спортивной кухне.

– Я не покажусь навязчивым, если спрошу, о чем речь?

– Нет, не покажетесь. Дело в том, что мой клуб сейчас здесь на тренировочном сборе, и сегодня у них игра, я хотела бы съездить и посмотреть, как обстоят дела. Хотите с нами, Грег? – Вырвалась у нее эта фраза сама по себе, как-то независимо, Марина и не ожидала.

Однако он с радостью согласился, и они условились встретиться в пять часов у рецепшн.

Англичанин оказался пунктуальным и ровно в пять часов уже стоял в назначенном месте, одетый в дорожные голубые джинсы и ослепительно-белый свитер. Приятный мужик, ничего не скажешь. Но что-то Марину в нем нервировало, хотя понять, что именно, она не могла.

Матч ее футболисты проиграли, да так крупно, что Коваль едва от злости не треснула – ноль – девять, каким-то эстонцам, играющим на первенство водокачки! Зато руководство, казалось, совершенно не переживало по этому поводу – кроме главного тренера, Марина вообще никого не обнаружила на скамейке. Развлекаются, видимо, со своими бабами, не зря же привезли!

– Ну, падла, я вам покажу сборы за границей! – пробормотала она, закуривая. – Будете вокруг моего дома носиться всей кодлой, а за вами братву пуцу на машинах!

– Ага, и Вилли с тесаком! – заржал Хохол. – Прикинь, какая скорость будет?

– Да, особенно если для пущей наглядности предварительно разрешить Вилли кому-нибудь ухо оттяпать! Чтобы ноги быстрее работали! – Марину всю колотило от злости, она курила, не обращая внимания на Грега, недоуменно разглядывающего ее. – Поехали отсюда! – приказала она, выбрасывая окурок и поднимаясь с лавки.

Следующие пять дней Коваль провела на футбольных полях, наблюдая за тренировками команды, и диву давалась, как и где раздобыли деятели из руководства таких бездарных игроков, что даже она это видела. Хохол предложил незатейливый выход из положения:

– Давай я пойду и ноги переломаю начальнику команды и кому там еще!

– Вот спасибо, родной! То-то проблем у меня сразу поубавится! Не вздумай даже! – предупредила Марина. – Приедем домой, и все, что надо, я им переломаю сама!

Грег не оставлял ее без внимания, присылал цветы, беся Хохла, а на сегодняшний вечер пригласил в ресторан, и Коваль согласилась, велев Женьке остаться дома.

– Ты с ним гаситься собираешься? – мрачно поинтересовался телохранитель.

– Видно будет, – совершенно серьезно ответила она, застегивая «молнию» на черном платье.

– Тебя не просчитаешь, Коваль.

– И не надо! – посоветовала Марина, выходя из номера и направляясь в холл, где уже ждал Грег с букетом белых роз в руках.

При виде этих цветов у нее все оборвалось внутри – такие она возила на могилу Егора, это были его любимые розы, белоснежные, на длинных упругих стеблях.

– Что-то не так, Марина? – озабоченно спросил Грег, заметив, как она изменилась в лице, но Коваль уже взяла себя в руки:

– Нет-нет, все в порядке.

– Я хочу пригласить вас в японский ресторан, не возражаете?

– Нет. Я очень люблю японскую кухню, – отозвалась Марина.

Ее не покидало странное ощущение, что она участвует в каком-то спектакле, разыгрываемом без ее согласия, но с непременным участием.

Что-то в этом человеке казалось Марине знакомым, у нее даже голова заболела от попыток вспомнить. Во что она ввязалась опять, боялась даже подумать.

Ресторан, в который англичанин привез Марину, оказался огромным и шикарным, и татами-рум там, разумеется, была. Когда при входе Грег присел на корточки, чтобы помочь ей снять туфли, Коваль даже вздрогнула – так делал Егор, встречая ее дома или приходя с женой в «Шар». Дежавю...

– Ваш охранник не рассердился на меня за столь смелое приглашение? – спросил Грег после того, как они сделали заказ.

– С чего бы? Он все прекрасно понимает.

– А мне показалось, что я ему не нравлюсь, – заметил Грег, отпивая саке из чашечки.

– А вам так важно нравиться всем подряд? Зачем вам мнение моего охранника?

– Просто я подумал, не осложню ли вашу жизнь своим приглашением.

«Господи, ну, точно, англичанин! Знал бы ты, как я сама умею осложнять себе жизнь, умер бы от избытка впечатлений!»

– Видимо, это что-то типично английское. Вот мне, например, абсолютно все равно, кто и что обо мне думает. Я всегда делаю только то, чего хочу, и говорю только то, что считаю нужным, даже если это идет вразрез с общепринятой нормой. – Она уставилась в его лицо с вызовом, ожидая, что тот ответит.

– Это чувствуется, – кивнул Грег. – Вы очень нестандартная, Марина.

– А может, у нас просто стандарты разные?

– Возможно. Но мне нравится разговаривать с вами, это редко со мной бывает – я не очень люблю подобный стиль общения с женщинами.

– Предпочитаете вести разговоры лежа, да, Грег? – прищурилась Коваль, уверенная, что угадала.

– Что-то вроде, – засмеялся он.

– А хотите, я угадаю, о чем вы думаете сейчас? – наклонившись на стол грудью, произнесла Марина. – Вы думаете, как предложить мне продолжить наше знакомство в горизонтальном положении, но, увидев меня на футбольном матче, не решаетесь, боитесь непредсказуемой реакции. Я права?

– Правы, – спокойно и серьезно отозвался он. – Но я опасаюсь не реакции, а того, что больше не увижу вас.

– Вы думаете, я откажусь? Хотите, огорчу вас согласием, Грег?

– Разве можно огорчить согласием?

– Иногда – еще как!

– Вы странная...

– О, ты еще не все видел! – перейдя на «ты», усмехнулась она, вспомнив, что в английском что «вы», что «ты» – нет разницы. – Таких странных женщин просто не бывает...

– Это по-русски называется стерва, кажется, – глядя ей в глаза, произнес Грег, и Марину как током ударило – только один человек называл ее так, только один на всем свете... Сердце забило в предчувствии чего-то нехорошего, но отступить было не в Марининых правилах.

А ей так захотелось вдруг оказаться в руках этого лощенного джентльмена, услышать, как он будет постанывать от удовольствия, сжимая ее в объятиях.

Она решительно встала и пошла к выходу из татами-рум, обернувшись на пороге:

– Чего же ты ждешь? Передумал?

Англичанин поднялся и взял ее за руку, увлекая за собой.

Они приехали в отель и поднялись к нему в номер, и, пока Грег был в душе, Коваль достала из бара бутылку текилы и прямо из горла выпила почти половину – все-таки не могла на трезвую голову оказаться в постели с едва знакомым мужиком.

К тому времени, как Грег вышел, Марина уже была сильно пьяна и готова на все. Он шагнул к ней, спуская с плеч лямки платья и прижимаясь лицом к груди. Коваль закрыла глаза, и ей вдруг показалось, что это Малыш с ней, ее любимый муж, погибший чуть больше года назад, вот он, вернулся и ласкает, как и прежде, без труда доводя до полубезумного состояния. Но, открыв глаза, она даже испытала легкое разочарование от увиденного перед собой лица – конечно же, это был не Малыш, да и как это мог быть он, если там, дома, на городском кладбище находится его могила?

– Идем в спальню, – чуть севшим голосом позвал Грег, потянув Марину в сторону второй комнаты.

Оказавшись в постели, он принялся целовать ее, и Коваль опять закрыла глаза, не в силах видеть этого лица.

«Зачем я это делаю?» – пронеслась было мысль, но пьяный мозг тут же избавился от нее, мол, нечего теперь, на полдороге, останавливаться.

В голове шумело и плыло, все-таки доза текилы была великовата, зато завтра Марина сможет спокойно списать все произошедшее на состояние полной невменяемости и не мучиться угрызениями совести.

«Ух, какая же я умница все-таки!»

Сквозь шум в ушах и состояние какой-то эйфории Коваль вдруг услышала голос Егора, произносящий отчетливо и ясно:

– Да, моя девочка... вот так, моя родная, детка моя, вот и хорошо...

Марина открыла глаза и поняла, что все это лишь бред пьяного воображения – нет никакого Егора, есть только вот этот холеный чужой мужчина, блаженно закрывший глаза и двигающийся в ней.

«Черт, точно Розан сказал – пора прекращать пить, вот уже и галлюцинации мучают, так и до „белки“ рукой подать!»

Но Грег был весьма хорош в постели, очень даже хорош, она и не думала, что так бывает. Только Егор мог так чувствовать ее, и вот, оказывается, есть еще кто-то...

Коваль так и осталась у него, не в силах возвращаться к себе и выслушивать претензии Хохла, а ведь они явно будут – не спустит же ревнивый Женька ее отсутствие в течение стольких часов!

Ночью Марине захотелось курить, и она пошла на балкон, завернувшись в махровый халат спавшего Грега. Закурив, села в кресло, сунула руки в карманы и нащупала в одном из них небольшой плоский предмет. В темноте было плохо видно, Марина поднесла вещь к глазам и обомлела от ужаса – на ладони лежала золотая зажигалка, на которой бриллиантами были выложены две подписи и дата. День их с Егором свадьбы и их автографы.

У Коваль все поплыло перед глазами, но она собрала все силы, чтобы не грохнуться в обморок и не заорать на весь Лимассол. Это не могло быть совпадением – работа штучная, она вместе с Хохлом заказывала эту вещь у его приятеля, он заверил, что второй такой не будет, да и кому нужен день ее свадьбы?

«Елки, что происходит вокруг меня? Откуда взялся этот странный мужик, откуда в его кармане зажигалка, принадлежавшая моему мужу, что вообще все это значит?!»

Она так и просидела на балконе всю ночь, до самого рассвета, крутя в пальцах предмет, помнивший прикосновения рук Егора. В спальне проснулся Грег, ходил по комнате и бормотал что-то, наконец вышел на балкон и сказал:

– О, а я ишу халат...

– А вот это ты не ищешь? – не поворачиваясь к нему лицом, спросила Коваль по-русски, подняв над головой зажигалку. – Здравствуй, Егор.

Сзади молчали. Марина встала, опираясь на свою трость, повернулась к опустившему голову Грегу, Егору, или кто он там еще был, отвесила ему пощечину и пошла в спальню, подхватив там свое платье и белье.

– Остановись, Коваль! – раздалось за спиной. – Ты не можешь уйти от меня вот так...

– А ты – мог уйти так, как ушел? Значит, и я могу!

– Я прошу – выслушай меня!

– Я не желаю ничего слышать, не желаю знать ничего, вообще не хочу видеть тебя никогда! Все, тебя нет, ты умер, разбился в день рождения, я тебя похоронила! И на этом все!

Как была, в халате, с платьем и туфлями в руках, она вышла из его номера и пошла к себе. Поднимаясь пешком на седьмой этаж, Марина столкнулась со спускающимся вниз Хохлом. Он пришел в ярость, кинулся к ней, но, увидев бледное лицо, отшатнулся:

– Что случилось?

– Оставь меня в покое.

Марина прошла мимо него в свой номер, заперлась изнутри и достала из бара бутылку текилы. Расправившись с ней за двадцать минут, она провалилась в сон, больше похожий на наркоз, чем на опьянение.

Коваль не могла даже представить, что можно поступить так с человеком, которого якобы любишь, с которым прожил вместе шесть лет. Просто взять и инсценировать собственную смерть, зная, как он дорог ей, как трудно и тяжело ей будет без него. Неужели такое бывает? И что он сделал со своим лицом, как вообще оказался здесь именно в это время? Как же ей теперь жить со всем этим?

Очнулась она только после обеда, и то не сама – Хохол ломился в дверь, но Марина не открывала, и тогда он решил вопрос в своей обычной манере – перелез через балкон, наплевав на то, что этаж – седьмой.

– Что происходит? – Он сел на постель рядом с ней и взял за руку. – Что с тобой, зачем опять напилась?

– Я нашла его, Женька, – пробормотала Марина сквозь зубы, с трудом открывая тяжелые веки.

Она села, прижавшись к спинке кровати, натянула простыню до подбородка.

– Кого? – не понял Хохол, убирая с ее лица волосы.

– Знаешь, кто это был? Малыш!

– Так, все – здравствуй, «белочка»! – констатировал телохранитель, щупая лоб прохладной ладонью. – Допилась, Коваль, – покойники приходят! С сегодняшнего дня – ни капли! Убью, если увижу! Куда тебя водил этот англичанин, в кальянную?

Она стряхнула его руку и снова повторила:

– Ты не понял, что ли? Этот англичанин и есть Малыш.

– Нет, ты точно в дурку угодишь у меня. Какой англичанин? Это который цветы тебе таскает корзинами? – Хохол смотрел сочувственно – надо же, насколько сильно она была привязана к своему мужу, до сих пор в каждом мужике ищет что-то от Егора.

– Да.

– Ой, не смей меня! Даже если очень много выпить, и то вряд ли этот хлыщ сойдет за Малыша! – Хохол даже фыркнул от ее утверждения, но тут раздался стук в дверь, и, опередив

Маринин запрещающий возглас, он открыл дверь, впуская в номер ее мужа. – Вот, гляди – явился твой англичанин!

– Выйди отсюда, Хохол! – на чистейшем русском резко приказал Егор.

Надо было видеть обескураженное лицо Хохла: такого выражения Коваль не видела ни до, ни после этого случая. Но ему быстро удалось прийти в себя, он схватил не ожидавшего такой прыти Егора за свитер и притянул к себе:

– Ты?! Ты... сволочь! Как ты можешь приходить сюда?! Паскуда, да я ж тебя... – Но не зря столько лет Малыш держал себя в прекрасной форме, ничего не стоило ему освободиться от рук Хохла и одним движением свалить того на пол, завернув обе руки за спину:

– Я же просил тебя – уйди! Почему вы никогда не понимаете по-хорошему, ни ты, ни твоя хозяйка?

– Я убью тебя, Малыш! – процедил прижатый к полу Хохол, пытаясь вырваться. – Клянусь, за то, что она пережила, я тебя порву на куски! Так даже петушня не поступает – кинуть женщину, разыграв свою смерть! Ты не думал о том, как будет жить твоя жена?

– С тобой я не собираюсь ничего обсуждать. Если я уберу руки, ты уйдешь отсюда и дашь мне поговорить с моей женой?

– Я не жена тебе больше, Егор, – совершенно трезво и здраво сказала вдруг Марина. – Отпусти Хохла и убирайся из моей жизни, раз уж ты все равно мертв.

– Я не уйду, пока не поговорю с тобой, – упрямо повторил он, не позволяя Хохлу шевельнуться. – Мне нужно многое тебе объяснить.

– Не желаю слушать твое вранье, Малыш. Ты убил не только себя, ты и меня убил в тот день, и теперь никакие объяснения, никакие разговоры не заставят меня поверить тебе. А простить то, что ты со мной сделал, вообще невозможно.

– Так, с тобой тоже все ясно! – С этими словами он поднял Хохла с пола и вытолкал за дверь.

Марина услышала, как щелкает замок соседнего номера, как там матерится Женька, пытаясь, видимо, выбить крепкие дубовые двери.

Егор вернулся и сел на постель возле нее. Коваль подобрала под себя ноги, отодвинувшись на самый край кровати, и враждебно смотрела на него. Это чужое лицо раздражало, она хорошо помнила, как почти в такой же ситуации оказалась не так давно, оставшись в одной комнате с влюбленным в нее до одури ресторатором Гариком¹. Тоже чужое лицо и родной, знакомый до дрожи в коленях голос. Только, в отличие от Гарика, этот человек действительно был когда-то ее мужем.

– А теперь иди отсюда, – устало попросила Марина. – Я не хочу с тобой ничего обсуждать, вообще не хочу разговаривать.

– Нет, ты выслушаешь меня... – Но она сорвалась на крик, стараясь сделать все, чтобы только он ушел, оставил ее:

– Вон!!!

И Егор подчинился, бросив на нее взгляд, полный жалости и сочувствия. Как будто оно ей было нужно! Едва за Егором закрылась дверь, как через балкон явился Хохол, бросившийся к Марине и подхвативший ее на руки:

– Успокойся, все нормально! Я чуть не спятил – в натуре, Малыш! Только морда... а хватка прежняя – чуть руку не сломал на фиг. Так не бывает...

– Бывает, к сожалению.

– Пойдем в душ?

– Только если отнесешь – сама не могу.

¹ Об этом в романе М. Крамер «Черная вдова-2». – Издательство «Эксмо».

В душе он не отпускал ее до тех пор, пока Марина не отключилась и не обвисла в его руках, только тогда отнес обратно в спальню и уложил, растягиваясь рядом.

Они проспали до вечера, обнявшись и периодически начиная целоваться сквозь сон. Наконец Коваль проснулась окончательно, легла сверху на спящего еще Хохла и потерлась носом о его нос:

– Просыпайся, а то уйду!

Его ручищи обхватили Марину и прижали так, что дышать стало нечем:

– Я тебе уйду! Пойдем ужинать, а?

– О, ты все готов на еду променять, даже меня! Вставай! – Она поцеловала его в губы и еле сумела вырваться.

Малыш в ресторане не появился. Он верно оценил ситуацию и понял, что сегодня не стоит продолжать свой натиск, иначе она окончательно вспылит и больше не подпустит его к себе даже на пять метров. С ней лучше выждать время, дать остыть и трезво взглянуть на вещи, откинув в сторону эмоции. Он всегда поступал так, когда не хотел давить и заставлять Марину принимать какое-либо решение. И такое поведение обязательно приносило плоды.

Хохол поднялся из-за стола и протянул Коваль руку:

– Пойдем, надо выспаться, ты хотела завтра на тренировку съездить.

И правда, со всеми этими событиями она забыла о своих футболистах! Завтра Марина собиралась посетить одну из двух тренировок, но надо было выспаться и выглядеть прилично и узнаваемо.

Пожелав спокойной ночи, Хохол ушел к себе, а Коваль, вместо того чтобы спать, усе-лась на балконе с сигаретой, пытаясь собрать в кучу все мысли и хоть как-то выстроить их в стройную, логичную конструкцию. Все так перепуталось и в голове, и в жизни, что напоминало тугой клубок, состоящий из множества разных хвостиков и обрывков, туго сплетенных между собой. Значит, весь этот год, что она страдала и плакала, Егор был жив и за границей, а Марина рыдала над пустой могилой, изводя себя и окружающих... Найти бы еще хоть какое-то объяснение всему! Что стоило выслушать его, просто выслушать – и все встало бы на места, но, черт возьми, стерва и гордячка Коваль не могла позволить себе поступиться своими принципами – сказав «нет», никогда не говорить «да»! Как же тяжело...

Внизу, у бассейна, она увидела сидящего в шезлонге Егора, он курил и смотрел на ровную гладь воды. О чем он думает, интересно? Если бы не это чужое лицо... все остальное не изменилось, но лицо... Глаза, бывшие голубыми и яркими, волосы, покрашенные в светлый цвет вместо Мариной любимой седины...

Он поднял голову и заметил Коваль на балконе, она растерялась и не знала, как быть – прятаться глупо, махать ручкой – еще смешнее. Егор был более раскован в этом плане, просто взял и заорал на всю территорию отеля:

– Спускайся ко мне, дорогая!

– Обалдеть! – пробормотала Марина под нос, понимая, что, если она не спустится, он своим криком перебудит всех отдыхающих.

Наскоро натянув джинсы и свитер, она спустилась вниз и вышла во двор к бассейну. Егор рванул навстречу со скоростью курьерского поезда, взял за руку и повел к шезлонгам:

– Не думал, что ты согласишься.

– А был выбор? – глядя на него с усмешкой, спросила Коваль, садясь рядом. – Не сомневаюсь, если бы я не согласилась, ты орал бы под балконом всю ночь.

– Детка, ты забыла – я же чопорный англичанин, правильный до отвращения, а они так не поступают, это типично русское! Поэтому я не стал бы кричать снова, а поднялся бы к тебе сам, – засмеялся он в ответ, придвигая второй шезлонг и садясь напротив. – Давай поговорим спокойно, без нервов и ненужных эмоций, ведь ты же разумная девочка у меня, такими делами ворочаешь!

– Пошел ты! – взорвалась она. – Где ты был весь этот год, когда я колотилась с твоей корпорацией, пытаюсь не дать ей развалиться на куски, выщарапывая заказы где придется, только чтобы не загубить дело, в котором ничего не смыслу? Когда я проводила на кладбище больше времени, чем в офисе?! Кто лежит там, под этим чертовым памятником, ответь мне?!

– Там нет никого.

Эти слова прозвучали словно разорвавшаяся рядом граната, оглушив Марину на миг.

– Да?! Значит, поэтому мне не дали открыть гроб, сказав, что ты обгорел до костей?! Как ты мог?! За что?! – Коваль, не помня себя, ударила его по щеке так, что ладонь заболела.

– Ты имеешь право на это, детка, – тихо сказал он, даже не двинувшись с места, не попытавшись перехватить ее руку или увернуться от удара. – Поверь мне, если бы я мог, я никогда не сделал бы того, что сделал. У меня нет никого и ничего дороже тебя, моя девочка.

– Да?! Я заметила – там, на похоронах! – Марина вскочила, насколько возможно это было при больной ноге, схватила сигареты и закурила, заметалась, хромая, вдоль бассейна взад-вперед. – Ты очень заботился обо мне, сделав вдовой в тридцать два года! Свалил за бугор, взвалив мне на плечи свою контору, ну, а как же – моя Коваль сильная, она все вывезет! А я поживу в свое удовольствие, отдохну от трудов праведных! Грегори Мюррей! Сволочь ты, Егор, вот ты кто! И теперь ты вдруг решил объявиться, с другой рожей, правда, но ничего – Коваль ведь по фигу, что там с лицом, лишь бы все остальное нормально работало, да, господин английский строитель?! Как ты оказался здесь?

Она прекрасно понимала, что несет сейчас полный бред, обвиняя Егора в том, что он попался ей на Кипре, ведь было совершенно очевидно, что это не что иное, как роковая случайность, стечение обстоятельств. Но обида и злость захлестнули ее, и Марина не трудилась сдерживать их.

– Я не знал, что ты приедешь сюда, как я мог это знать? Я приехал отдыхать, слишком много работал в последние месяцы. Приехал сюда, мне рекомендовали здешний климат и отели, проводил время в свое удовольствие. Когда увидел тебя в холле, едва не умер...

– Не смей произносить этого слова! Для меня ты умер год назад! Зачем ты подошел ко мне, зачем тебе понадобилось меня трогать? – У нее все кипело внутри от негодования и злости.

– Я не смог, – вздохнул тяжело Егор. – Я никогда не мог равнодушно смотреть на тебя, ты же знаешь. И сейчас тоже не смог, проклинал себя за эту слабость, но ты такая... я не могу отказаться от тебя, все, что угодно, только не это...

Он перехватил Марину и прижал к себе, но она вырвалась:

– Не прикасайся ко мне! Меня тошнит от твоего лицемерия, от твоей лжи! Убирайся отсюда и никогда не смей попадаться мне на глаза! Я верну тебе все, я просто хочу вычеркнуть тебя из своей жизни.

– А сможешь?

– Не сомневайся!

– Значит, не хочешь даже выслушать меня, детка? Или теперь ты отзываешься на киску? – насмешливо спросил он, закуривая.

– Это не твое дело.

– Как посмотреть. Я твой муж, если ты забыла.

– Мой муж мертв. А тебя я вижу в первый раз. Раньше ты был другим. Я никогда не поступила бы с тобой так.

– Ты делала вещи и похуже.

Марина подошла вплотную к Егору и заглянула в его глаза:

– За что ты так со мной, а?

Его руки легли ей на плечи. Коваль так хорошо помнила этот жест, это тепло.

– Не дергайся, пожалуйста. Я же просил меня выслушать, а ты опять орешь и не хочешь потерпеть хоть секунду. У меня не было выбора, детка, я должен был исчезнуть, изменить внешность, чтобы не пострадала ты.

– Очень интересно!

– Возможно, тебе станет еще интереснее, если ты дослушаешь меня до конца, не перебивая, как ты любишь. Иди ко мне. – Он потянул Марину к себе и усадил на руки, обняв и прижав к груди: – Я так давно не держал тебя на руках, девочка моя, – прошептал он ей на ухо.

– Ближе к делу! – вырвалась Коваль, понимая, что сейчас Егор любыми способами постарается сбить ее с решительного настроения.

– Детка, менты докопались до того, кто убил Строгача и Азамата. – Это было сказано так буднично, словно он время сообщал.

– И ты при чем?

– Я взял это на себя.

– Что?! Зачем?!

Как могли менты узнать, что произошло в тот злополучный день в доме Строгача, когда они с Азаматом пытались изнасиловать Коваль, когда Серега своими руками изуродовал лицо ее подруги, когда застрелил Макса? Об этом знали только Марина с Хохлом да отчасти Ветка, и то не все, потому что потеряла сознание и не видела, как они вдвоем перестреляли всю строгачевскую и азаматовскую охрану, слишком опрометчиво расслабившуюся в сауне.

– Откуда они узнали?

– Детка, ты забываешь, что вокруг тебя люди, не всегда хорошо относящиеся к тебе. Ты не задумывалась, кто же все-таки убил Шерхана и Печатника в твоих заведениях?² – Егор осторожно погладил жену по волосам, убирая их с лица. – Помнишь ресторатора, который регулярно не платил тебе денег? Так это его рук дело.

– Гарика?!

– Ну, не знаю уж – Гарика или как там его.

– Откуда ты узнал?

– Гордеенко сказал. В обмен на свободу твой «поклонник» сдал тебя ментам.

– Не пойму – этот баран орал, что влюблен в меня, и вдруг...

– Детка, за деньги и свободу он готов был бы любить даже твоего Хохла, – усмехнулся Малыш. Его иногда поражала наивность жены – такая жестокая и бескомпромиссная в делах, в жизни она порой выглядела сущим ребенком, доверчивым и плохо разбирающимся в людях.

– Значит, не зря я его завалила! – раздув ноздри, заявила Коваль.

– Ты?! – поразился Егор. – Опять?!

– Этот козел травил меня по телефону, звонил и говорил со мной твоим голосом, а потом пробрался в нашу спальню. Там я его и заколола. Проехали, давай дальше!

– А дальше я сказал Гордеенко, что коммерс попутал – не было тебя у Строгача в тот день, а я был. И я завалил их обоих за то, что было у тебя с Серегой. Ты же понимаешь, в нашем городе за хорошие деньги я легко смог обеспечить себе свободу на небольшой срок. За это время я успел подготовить почву для отхода – нашел клинику, оплатил операцию, нанял каскадера, организовавшего аварию, перевел все, что было у меня, на твое имя. Я не мог допустить, чтобы ты оказалась на зоне, тебе не место там, девочка, – ты больна, не обижайся, но это правда, и тебе ни за что не выжить там. И, чтобы все вышло натурально, я не сказал тебе ни слова. Прости меня, счастье мое, я представляю, что тебе пришлось пережить из-за меня, но иначе было нельзя.

Малыш замолчал, его руки, обнимавшие жену, налились тяжестью.

² Об этом в романе М. Крамер «Черная вдова-2». – Издательство «Эксмо».

– Что мне делать теперь? – тихо спросила Марина, потрясенная его рассказом. – Как жить, зная, что ты жив, но не со мной?

– Детка, пройдет время, все уляжется, и я вернусь.

– Но ты уже никогда не сможешь стать прежним, Егор. А я не могу видеть это лицо, прости. – Она уткнулась лбом в его грудь и заплакала.

– Не надо, малыш, не плачь. Ты привыкнешь, а линзы я уберу, – пообещал он, глядя ее по спине, по плечам, вздрагивающим от прикосновений. – Ведь главное, чтобы не менялась суть, ты сама так говорила. А я прежний, надеюсь, ты убедилась в этом прошлой ночью? – пошутил Егор, пытаясь заглянуть в глаза.

– Не напоминай. Интересно, если бы не чертова зажигалка, ты признался бы мне или нет? Егор помолчал какое-то время, а потом вздохнул и прижался губами к ее виску:

– Не знаю, детка. Я был не рад, что затеял все это, что не удержался и позвал к себе – ведь ты знаешь меня, как никто. Я молил бога, чтобы ты напилась, пока я в душе...

– Я не разочаровала тебя! – усмехнулась Марина, запуская пальцы в его волосы, которые теперь тоже казались чужими.

– Да, девочка, и я обрадовался, увидев, что ты пьяна до безобразия. И расслабился настолько, что заговорил по-русски...

– А я-то решила, что у меня галлюцинации! Значит, не показалось, – удовлетворенно вздохнула Коваль, – а то прямо испугалась, что горячка начинается.

– Горе мое, не угомонишься никак! Ну, ты простила меня? – положив голову на ее плечо, спросил Малыш.

Коваль молчала, ее мозг не мог освоить такой объем информации за столь короткий промежуток времени. В ней боролись дикая, страшная обида на Егора за то, как он поступил, и чувство благодарности за попытку вывести ее из-под удара, закрыть собой. Как привести все это в соответствие, Марина не знала, ей было очень тяжело принять все так, как есть. Но и отказаться от Егора она не могла, пережив потерю и поняв, как без него невыносимо.

– Идем со мной! – вставая с его колен, сказала Коваль, увлекая за собой в сторону отеля. – Я так соскучилась по тебе, Малыш...

Он подчинился, улыбаясь и глядя на жену с восхищением:

– Маринка, я беру свои слова о том, что ты постарела, обратно. Тебя не портит ничего, даже эта трость делает тебя только привлекательнее.

– Ну, с тобой-то все давно ясно – ты маньяк, Малышев! – засмеялась она, проводя пальцами по его лицу.

Он перехватил руку, прижал ее к груди, и Марина почувствовала удары его сердца:

– Целый год, детка, такой долгий и ужасный год... и никто не говорил мне эту фразу – ты маньяк, Малышев... Поверь, я ни на секунду не забывал о тебе, не было ни дня, чтобы я не подумал, не вспомнил, а уж ночами... лучше тебе не знать! – Он посмотрел ей в глаза и тихо спросил: – Ты пойдешь ко мне?

– Обалдеть, Малыш, – я *уже* иду к тебе, неужели ты не заметил?

В лифте они целовались вплоть до пятого этажа, на котором он жил, и выйдя, не прекратили, и у номера, и в темной прихожей... Упавшая с Марининой руки на пол трость грохнула так, что оба вздрогнули, а потом, взглянув друг на друга, захохотали, и это был, наверное, первый искренний смех Коваль за весь долгий прошедший год.

– Хохол не хватится? – спросил Егор, подталкивая Марину в сторону спальни.

– Боишься?

– Опасаюсь – конкурент все-таки, моложе, выносливее...

– Ой, ну, ты как был фантазер, так и остался им! – фыркнула она.

– Помочь? – Он присел на корточки и привычным жестом снял с нее туфли, бросив их небрежно куда-то за спину. – Как же ты теперь без шпилек своих?

– Привыкла. Я и платья почти не ношу – глупо выглядят в сочетании с палкой.

Егор раздевал ее, а она наслаждалась прикосновениями его рук, тем, как он смотрит на нее, как замирает, видя то, что было спрятано под черными одеждами, словно не видел этого никогда.

– Бога ради, убери эти линзы, я не могу видеть твое лицо, которое совсем не твое, и глаза, которые тоже не твои! Пожалуйста! – попросила она, коротко взглянув на мужа.

– Для тебя – все, что угодно!

Егор ушел в ванную, а Марина достала из кармана джинсов пачку сигарет и закурила, привалившись к спинке кровати. Как же быть теперь, ведь ясно, что вернуться домой Егор не может, во всяком случае, пока, а она ни за что не поедет к нему в его Англию. Это не ее стиль жизни, темперамент не даст задержаться там надолго. И, главное, никому нельзя дать даже малейшего повода заподозрить, что Егор жив.

«А Гордеенко, значит, нарыл-таки на меня, гад в погонах! Надо Розану позвонить, пусть подумает, как выкрутиться из ситуации, ведь ушлый мент явно прибережет эту информацию, не мог он поверить в то, что Егор завалил такую толпу народа. А в то, что это я провернула, – запросто. Он ведь неплохо меня знает, не первый день знакомы. И решил, видимо, полковник Гордеенко придержать компроматик на неуправляемую Коваль, просто так, на всякий случай, а вдруг пригодится? И это очень некстати! Я терпеть не могу, когда кто-то пытается управлять мной, дергая за ниточки...»

– О чем так задумалась самая красивая женщина в мире?

– О том, как спасти свою задницу от ментовских посягательств. – Грубо, конечно, зато точно.

– Ты о Гордеенко? – ложась рядом, спросил Егор, и Марина, взглянув на него, сразу забыла обо всем – голубые глаза его спутали все мысли, пусть лицо не стало прежним, но глаза...

– Пошел к черту Гордеенко со своими ментами, я не хочу больше думать об этом, – прошептала она, ложась на него сверху. – Нет никого, только ты...

– Счастье мое, прости меня за все...

Не думала Марина, возвращаясь к себе, что телохранитель будет в такой ярости и начнет так орать. Он сидел в холле и напряженно всматривался в каждого выходящего из лифта. Увидев Марину, он потянулся к пачке, вынул сигарету. Лицо Хохла было белым, губы тряслись, он пытался прикурить, но ему не удавалось:

– Где... где ты была всю ночь?! Я все обыскал, как ты можешь так со мной?! Я же переживаю! Где была?

– Ты прекрасно знаешь, где я была и с кем! – спокойно ответила она, отпирая дверь номера и заходя внутрь.

– К Малышу бегала? – враждебно спросил он, входя следом и усаживаясь в кресло.

– Что значит – бегала? Он мой муж. – Марина раздевалась, встав за дверку шкафа, и этим еще сильнее разозлила Хохла:

– Теперь ты от меня прячешься!

Коваль шарахнула дверкой, представ перед ним в одном белье:

– Так лучше? – Она подошла к нему и взяла его лицо в свои ладони, заглядывая в глаза. – Я виновата перед тобой...

– Не грузись, – тихо сказал он, обнимая ее и прижимаясь к животу бритой головой, – ты ни при чем, я сам... Помнишь, Малыш сказал, что вопрос в том, кого из нас ты убьешь раньше? Думали, его, а оказалось – меня.

– Я еще так долго буду одна, ты не можешь... – забормотала Марина, прижимаясь губами к его затылку и роняя слезы. – Ведь он не сможет вернуться домой, Женя, пойми, он никак не сможет быть со мной, ему нельзя...

– Не понял – как нельзя, разве он не поедет домой с нами обратно? – растерянно произнес Хохол, поднимая на нее глаза.

– Нет. Я расскажу тебе, но ты должен дать мне слово, что никто – слышишь, никто – не узнает об этом!

– Ты *мне* это говоришь? – В это слово он вложил столько сарказма, что Марине стало даже стыдно – действительно, кому она это говорит, разве не он помог ей повернуть то давнее кровавое дело?

И Коваль выложила ему все, что узнала от Егора за прошедшую ночь. Хохол слушал, не перебивая, только шурился все сильнее да сжимал кулаки.

– Да-а! – протянул он, когда она закончила. – А Малыш сильный мужик, правильный. Уважаю таких, все по понятиям – за жену голову подставил! И ты думаешь, что мент ушатый тебя на крючок подцепил и будет пасти?

– А у тебя другое мнение? Его хлебом не корми, дай бабла срубить влегкую. – Марина и не замечала уже, что слоняется по номеру в одном белье, куря сигарету за сигаретой.

– Может, ему помочь... – многозначительно начал Хохол, но она моментально оказалась рядом и закрыла ему рот рукой:

– Даже думать не смей! Сразу же меня и закроют! Сто процентов – этот гад все продумал и просчитал, просто случая ждет. Надо по-другому как-то...

Она оделась и села, закинув ноги на подлокотник кресла, взяла очередную сигарету:

– Жень, закажи мне кофе, будь другом, – глаза слипаются, а скоро ехать к футболистам.

– Слушай, а почему ты думаешь, что ему нельзя возвращаться? Ведь его невозможно узнать – так он себя уделал! – Хохол сел на пол рядом с креслом и положил голову ей на колени.

– Женья, пойми простую вещь – едва только он появится рядом со мной, как тут же пойдут разговоры и пересуды, и кто-нибудь обязательно докопается.

– А ты сама слух запусти, что выходишь замуж за иностранца! – предложил телохранитель, хотя ему-то этого хотелось меньше всего, Марина знала. – И все в шоколаде – Коваль вышла замуж, подцепила валютчика, живут...

– Я подумаю, – серьезно пообещала она, допив кофе и отправляясь собираться на тренировку.

«Если это – тренировка, то я – Майя Плисецкая!» – ожесточенно думала Марина, наблюдая за вялыми передвижениями кучки людей в спортивной форме по зеленому газону. Ее не покидало ощущение, что вся команда была с глубокого перепоя, ведь еле шевелятся! И главный тренер с бутылкой минералки в руках, а две пустые уже валяются рядом со скамейкой. Веселые ребята!

– Коваль, даже я вижу, что этих клоунов надо лопатой гнать, – наклонившись к ее уху, сказал Хохол, лениво перекатывая зажатую в зубах спичку. – За такие деньги они не пешком ходить должны, а бегать.

– И я о том же! – с досадой произнесла Марина, сдвигая очки на затылок. – Вот попала я с этими козлами! Но ничего – вернусь, окружу поле братвой, каждому биту в руки, и понеслось! Я их научу в футбол играть! И Ваську Марадону поставлю к ним тренером, он и то больше соображает!

– Не кипи – взорвешься! – насмешливо бросил Хохол, чуть приобняв ее за плечи. – Что разошлась-то? Домой приедем – всех накажем, не переживай! Поехали лучше по побережью прокатимся, тут и так все понятно – беспредел один.

– Поехали, – без особой охоты согласилась Коваль, и они поехали кататься.

На пустой дороге ей вдруг пришла в голову шальная идея – а что, если...

– Женька, пусти меня за руль!

– Куда тебя пустить? – не понял он, чуть притормозив.

– За руль. Хочу попробовать.

Что-то подсказывало Хохлу, что не стоит соглашаться, но противиться хозяйке он не мог. Марина уселась на водительское место, чувствуя, как дрожат руки и ноги – почти два года она не водила машину сама. Но коробка-автомат способна вселить уверенность даже в полного идиота, а Коваль к таковым себя не относил. Повернув ключ в зажигании, она услышала, как взревел мотор, и ощутила такое возбуждение, что даже удивилась – оказывается, простые вещи способны еще вызывать в ней такие эмоции. Правая нога мешала, но ничего, как-нибудь справимся. Сжав зубы, Марина нажала на газ, и машина рванула по трассе. Визгу Коваль при этом мог позавидовать любой рок-певец...

Войдя в номер, Марина сразу позвонила мужу. Едва услышав ее голос в трубке, Егор моментально произнес волшебную фразу:

– Девочка моя, я так соскучился...

– Приходи! – решительно сказала Коваль, просительно глянув на Хохла.

– Понял, – вздохнул тот. – Пойду поплаваю. Пары часов хватит?

– Как пойдет! – отшутилась она, прекрасно зная, как именно пойдет. Хорошо, если поужинать удастся.

– Ну, удачи! – усмехнулся Женька, выходя из номера.

Егор пришел минут через двадцать, в джинсах и белом свитере, Марина опять вздрогнула при виде его лица и звуке голоса. Это несоответствие доводило ее до безумия, но сделать, увы, ничего было нельзя. Прямо на пороге он обнял жену, убирая со лба челку и вглядываясь в глаза:

– Привет, детка, как ты?

– Как видишь, почти в полном порядке, – ласкаясь к нему, как кошка, промурлыкала она. – Я даже машину сегодня попробовала сама водить...

– Получилось, я смотрю, – заметил Егор, не отрывая взгляда от любимого лица. – Ты молодец у меня, девочка, я всегда знал это. Может, мы пойдем куда-нибудь? Посидим, пообщаемся.

– А чем тебя мой номер не устраивает? – не очень довольная таким поворотом событий, спросила Коваль, отстраняясь.

– Я же прекрасно знаю, чем закончится любая моя попытка начать разговор, – ухмыльнулся он, погладив ее по голове и растрепав волосы, – ты опять заманишь меня в постель и замучаешь своими причудами. А поговорить нужно обязательно – завтра вечером я улетаю...

– Как – улетаешь, куда? – совсем глупо поинтересовалась Марина, растерявшись от неожиданности.

– Домой, в Бристоль, – вздохнул Егор. – Дел полно, фирма только-только на ноги встала.

– А как же я? – растерянно заморгала ресницами Коваль, чувствуя, как внутри все сжимается и холодок пробегает по спине.

– И это моя главная проблема, детка, – ты. – Малыш отвел глаза, чтобы не видеть вмиг ставшего несчастным лица жены. – Я не вправе звать тебя с собой, я понимаю, что ты не сможешь жить там, это не твоя страна, не твой уклад жизни, даже автомобильное движение – и то не твое. И никогда ты не сможешь стать там той, кто ты есть сейчас. Я не могу лишить тебя твоего образа жизни.

– Егор, – взмолилась Марина, хватаясь за него, чтобы не упасть, – милый, пойми, у нас теперь тоже все по-другому, все вполне легально, никаких разборок, абсолютно светлый бизнес. И если мое имя и напоминает кому-то о моем прошлом, то это только их проблемы. Видишь, я влезла даже на совершенно незнакомую территорию, взяла под корпорацию футбольный клуб, который оказался просто финансовой черной дырой – деньги дикие, а результат будет или нет – большой вопрос!

– Ну, этим ты всегда отличалась – умением вляпаться во что-то связанное с риском для кошелька и жизни! – улыбнулся он, подталкивая ее в сторону дивана. – Давай сядем, а то побеседуем, стоя на пороге.

– Ты же приглашал меня пойти куда-нибудь. Передумал уже?

– Только если ты наденешь платье – видеть не могу твои джинсы заупокойного цвета!

Марина как-то вымученно рассмеялась и пошла в спальню, достав из шкафа черное платье с двумя высокими разрезами. Конечно, оно не совсем годилось для прогулок в джипе, скорее – для светского раута, но черт с ним! Накрасившись и собрав волосы в «ракушку», она вышла к мужу, и Егор тяжело вздохнул:

– Господи, ну, почему ты такая? Мне невыносимо думать о том, скольким мужикам приходят в голову разные фантазии при взгляде на тебя, Коваль! Скажи честно – по-прежнему нет отбоя?

– Я не замечаю. Кроме Хохла, нет никого. Да и с ним нечасто, так, когда уж совсем невыносимо.

– Неужели действительно никто не подкатывает? – не поверил Егор, поворачивая ее лицом к свету, чтобы лучше рассмотреть. – Губы переделала, что ли?

– Немного. А насчет подкатов... ты же знаешь Хохла – разве он подпустит ко мне хоть кого-то?

– Еще бы – сам все делает, зачем ему конкуренты? – совсем беззлобно пошутил Малыш, легко поцеловав жену в нос. – Не напрягайся, детка, я не в претензии – не должна же ты быть одна все время.

– Я не одна, – обняв его за шею и прижавшись к нему всем телом, сказала Марина. – Ты со мной всегда.

– Я чувствую себя виноватым, детка. Поверь – выбора не было, нельзя было по-другому. А признаться тебе, даже просто намекнуть... это означало бы поставить под угрозу срыва все, что я задумал, – ведь ты ни за что не согласилась бы принять от меня помощь, я же тебя знаю.

– Я очень благодарна тебе за все, но знай – так больно меня никто не ранил. Когда я увидела зажигалку, я подумала, что схожу с ума, что у меня началась белая горячка... Разве так можно? – укоризненно спросила Марина, закулив сигарету. – Ведь это жестоко, Егор.

– Я знаю, – кивнул он, отбирая у нее сигарету и делая затяжку, – но я не смог удержаться. Я никогда не мог контролировать себя в твоем присутствии, я не мог отказать себе в желании прикоснуться к тебе, поцеловать тебя, услышать твой голос, увидеть твои прикрытые глаза – ведь ты всегда прикрываешь их, когда тебе хорошо, я помню... И ты собралась свалить от меня после всего этого, хитрая стерва? Ты ведь знаешь – найду и верну, отниму у любого!

– А я никому и не принадлежу – только тебе.

Они поехали в ресторан, но не в японский, а в европейский, и Егор предупредил, что общаться придется на английском, так как до встречи с Мариной он часто здесь бывал и все знают, что он англичанин. Чужой язык немного осложнял общение, но ничего не поделаешь – придется привыкать. Она почти не прикасалась к еде, смотрела на мужа, словно хотела запомнить все, что он делает, говорит, как выглядит. Сердце болело от предчувствия скорой неизбежной разлуки, Коваль даже представить не могла, что он опять исчезнет, растворится. Но теперь она хотя бы знала, что он жив, он есть...

– Господи, почему все так? Почему я не могу жить нормально, как все люди, почему у меня вечно какие-то трудности? Даже с мужем я вынуждена жить в разных концах мира! – пробормотала она по-русски, сжав его руку, лежащую на столе.

– Детка, не драматизируй, ладно? – попросил Егор, высвобождая свои пальцы и поглаживая жену по щеке. – Ты будешь приезжать ко мне, мы будем вместе, мы и так всегда вместе, ведь мы уже давно одно целое, девочка моя родная. – Он наклонился к ней и нежно поцеловал в губы. – Ты все такая же сладкая, как была, такая, как я помню...

– Поедем на побережье, побродим? – предложила Марина и встала, не дожидаясь ответа, уверенная, что он последует за ней, куда бы она ни повела его.

Это была странная прогулка – разувшись, они бродили по щиколотку в воде туда-сюда вдоль пляжа и молчали, словно говорить было не о чем. Марина не могла представить, что завтра вечером его унесет самолет и жизнь разделится надвое – до и после... И она опять останется одна. Если бы можно было остановить сегодняшний день, сделать так, чтобы завтра не наступило никогда...

– О чем ты думаешь? – спросил Егор, притягивая ее к себе и набрасывая на плечи свой свитер. – Замерзла?

– Спасибо. Я думаю, как мне жить завтра. – Марина закуталась плотнее в свитер, вдыхая исходящий от него аромат туалетной воды.

– Ничего не изменится – я буду звонить, только тебе нужно будет в Москве купить телефон и SIM-карту, и чтобы никто не знал его, только я. Так будет безопасно, никто не сможет подслушать нас. И мы сможем разговаривать каждый день.

– Это все равно не то, – вздохнула она, беря его за руку. – Телефонные звонки никогда не заменят живого общения, этих прикосновений, поцелуев, возможности просто сидеть рядом у камина, как мы любили с тобой, помнишь?

– Ты все такая же штучка, Коваль, ничего не делается с тобой... второй такой нет.

– Наверное, есть моложе и лучше.

– Моложе – есть, наверное, но лучше... мне не попадались.

– Все впереди, – спокойно ответила она, – чем старше будешь ты, тем моложе твои любовницы, а у меня вот уже никого не будет – только Хохол, да и то если он вдруг не захочет чего-то посвежее.

– Опять глупости городишь? Ты так любишь комплименты, что готова говорить любую чушь, лишь бы я опроверг ее и сказал тебе что-нибудь приятное! – легонько хлопнув ее по задку, засмеялся Егор. – Ведь ты прекрасно знаешь, что никто не нужен мне и неинтересен, кроме тебя. Ты – единственная моя женщина, моя жена, моя девочка.

– Егор, хватит! – взмолилась она, умом понимая, что пора остановиться – чем дольше они пробудут вместе, тем тяжелее ей будет расставаться с ним, тем острее будет боль.

– Детка, что-то не так? – спросил муж.

– Все не так, я не могу представить, как останусь теперь одна, как вернусь домой – одна, зная, что ты далеко, – ткнувшись лбом в его грудь, чтобы не заплакать снова, проговорила Марина. – Как я могу не думать об этом?

– Не раскисай, Коваль! – жестко оборвал ее стоны Егор. – Что ты заладила – «как я, что я, как мне жить»? Можно подумать, мне все это просто дается – знать, что ты там одна, без меня, что в любой момент подставишь свою голову, влипнешь куда-нибудь! Тебе, как бы ты ни относилась к этому, было легче – ты считала меня мертвым, и не было у тебя поводов для беспокойства, а я, зная твои склонности к авантюрам, места себе порой не находил – и даже просто позвонить и услышать голос не имел возможности!

Почему всегда мужчины думают, что им тяжелее? Что может быть тяжелее того, что пережила она, когда узнала, что он разбился, когда хоронила закрытый гроб, когда ездила на кладбище и лежала на его могиле? Он переживал! Но ругаться не хотелось – кто знает, когда выпадет случай увидеться снова? Марина примирительно посмотрела на Егора и попросила:

– Давай не будем об этом больше, хорошо? Осталось меньше суток – зачем тратить время на словоблудие? Скажи лучше – я смогу приехать к тебе?

– О чем ты спрашиваешь? Ты можешь даже переехать ко мне – и это был бы самый лучший вариант!

– Это невозможно, ты и сам знаешь, – вздохнула она, присаживаясь в шезлонг под большим зонтом. – Дай сигарету, пожалуйста.

Егор прикурил ей сигарету, Марина молча высадила ее за три затяжки, так же молча встала и пошла в сторону отеля – у нее испортилось настроение, наступила такая апатия, что впору лечь и ждать смерти. Егор проследовал за ней, однако на расстоянии, чтобы не нарушить так необходимого ей сейчас одиночества.

В номере, налив полный стакан текилы, она выпила, не поморщившись, и уставилась в темное окно, за которым слышался чей-то веселый и беззаботный смех, звучала музыка – народ веселился.

«Почему у меня всегда все не так, как у всех? Восемь лет жизни в окружении уголовников и отморожков, стрелок и разборок, периодически прерывавшихся на отлеживание в больницах с ранениями разной степени тяжести и опасности – вот, в сущности, и все, что у меня есть. Да, денег полно, могу позволить себе все, что захочу, и даже больше, но толку-то от этого, когда единственный человек, значащий для меня в этой жизни что-то, живет далеко от меня и даже выглядит теперь по-другому?»

Руки, легшие на плечи, вернули Коваль обратно, оторвав от тягостных мыслей:

– Ты обиделась?

Она прижалась лицом к руке мужа и прошептала:

– Я не могу обижаться, Егор, – у меня нет никого, кроме тебя. И тебя теперь тоже нет...

Он поднял ее на руки и унес в спальню, и Марина поняла, что он не уйдет сегодня к себе, останется и будет с ней всю ночь, и она сможет прижаться к нему и проснуться тоже сможет в его руках, как бывало раньше, и Егор поцелует ее утром, еще сонную...

После завтрака они поднялись в номер Малыша. Он принялся собирать вещи, а Марина села в большое кресло, поджав по привычке ноги. Где-то внутри возник вопрос, где же сейчас Хохол, но Коваль отмахнулась – не до него. Она протянула руку и взяла белый свитер, хранящий запах «Хьюго», прижала к лицу, вдохнула глубоко:

– Отдай мне его на память, а? Знаешь, я сошла с ума – я поливаю этой водой твою подушку и так сплю, – призналась она, оторвавшись от свитера.

– Детка, не заигрывайся – это очень опасно! – предупредил Егор, прервав процесс укладывания вещей и обнимая жену. – Я иногда чувствую себя виноватым за то, что ты так сильно привязана ко мне, возможно, в другой ситуации тебе было бы легче.

– Вряд ли. А раньше ты укорял меня за то, что я совершенно к тебе равнодушна, блондинок заводил всяких, чтобы я бесилась или хоть как-то реагировала!

– Дурак был! – сознался муж. – Сейчас ни за что не стал бы.

Марина наблюдала за тем, как он укладывает в чемодан вещи, и замечала появившуюся в его движениях и жестах незнакомую доселе педантичность, хотя и всегда Малыш был лощеный мажор, как называл это Розан. Но все же было что-то чужое в его манерах, что-то незнакомое, не ее. Наверное, ему хорошо там, раз он воспринял многое из своей новой жизни. Коваль сидела в большом мягком кресле и мечтала, чтобы не наступил вечер, когда ей придется расставаться с мужем. Ничего не попишешь – так надо, и так будет, не изменить, не исправить.

– Детка, ты опять задумалась о чем-то. Где ты? – Она и не заметила, что Егор уже закончил сборы и теперь стоит и смотрит на ее задумчивое лицо.

– А... нет, я здесь, с тобой, родной мой, все в порядке...

«Да ни хрена не в порядке! – хотелось ей заорать так, чтобы весь отель слышал. – Ни хрена – потому что ты улетаешь сегодня и я не знаю, когда увижу тебя, когда мы сможем вновь встретиться!» Но промолчала, конечно.

– Я хочу твою фотографию, Маринка, – назвав ее по имени впервые, кажется, за много лет, тихо попросил вдруг Егор. – Хочу, чтобы ты со мной была, пусть хоть на бумаге.

– Не вопрос, – откликнулась Коваль, – на пляже есть фотограф, пойдем...

Она прекрасно знала, что ей-то нельзя будет даже этого – куска фотобумаги с изображением любимого, иначе она поставит под угрозу и его, и себя. Но отказать мужу в его просьбе

не смогла – пусть у него останется хоть что-то от нее. Фотографа на пляже они действительно отыскивали, и тот снял Марину на фоне морской глади, всю в черном. Как ни силилась она выдавить хоть подобие улыбки, не смогла – не вышло.

– Не огорчайся, девочка, я прекрасно помню, как ты улыбаешься, – сказал Егор, пряча фотографию в бумажник. – А теперь... ведь мы успеем еще? – Он вопросительно глянул в ее сторону. Как будто Коваль могла отказать!

Он ушел за два часа до отлета, запретив даже на балкон выходить. Марина рыдала так, что голова начала болеть.

Когда хлопнула дверь и шаги Малыша, такие знакомые, твердые, уверенные, стихли в гулком коридоре отеля, Коваль тяжело поднялась и вынула из бара традиционную свою спутницу во всех несчастьях – бутылку «Санрайза». За час она надралась так, что просто отключилась на постели в спальне «люкса», даже не раздеваясь, в черных джинсах и водолазке, положив голову на свитер Егора. В таком виде и обнаружил ее с утра пораньше Хохол, зашедший за ней, чтобы пойти с утра поплавать.

– Ну, писец! Тебя на минуту нельзя оставить, что ж ты вытворяешь? – ругался он, стаскивая с Марины одежду и запихивая хозяйку под холодные струи душа.

– Ох, твою мать, мне же холодно! – завизжала она, мгновенно просыпаясь и приходя в себя. – Женька, отпусти меня!

– Ага, помечтай! – посоветовал он, продолжая держать ее под водой за плечи, не давая вырваться. – Я тебя отучу пить, как биндюжник!

– Все, хватит, отпусти!

– Нет.

Это продолжалось до тех пор, пока Хохол сам не решил наконец, что пора вытаскивать ее, а то заболеет. Марина тряслась от холода, как собачонка в морозный день, но телохранитель нимало не смущался ее состоянием.

– Давай, не кривись, собирайся. – Он сам вынул из шкафа купальник, бросил ей вместе с сарафаном. – Одевайся, идем на пляж.

Как во сне, Коваль оделась и взяла трость, но Хохол отнял ее и бросил в угол:

– Не надо, под руку меня возьмешь.

– Что, очень странно выгляжу? – усмехнулась Марина. – Мне казалось, что ты уже привык.

– Не в том дело. Я знаю, что тебя саму это напрягает, ты все время ждешь, что кто-нибудь бросит тебе вслед косой взгляд или фразу про твою хромоту. Я тебе так скажу – даже на этом костыле ты лучше всех, никто не сравнится, ни одна молодая и здоровая.

– Тогда к чему цирк?

– Хочу, чтобы тебе было хорошо, – я обещал Малышу.

– Мне и так нормально.

– Врешь ты все, Коваль. – Он взял ее за подбородок, поднимая голову и заглядывая в глаза. – Почему ты даже мне врешь?

Вздохнув, Марина взяла Хохла под руку:

– Потому что. Идем, мне надо в воду, там легче.

– А завтрак?

– Ну, какой, на фиг, завтрак с такого похмелья? Все ходуном ходит!

– Не пей! – пожал плечами Хохол. – Пойдем, что-нибудь все равно съешь.

– Сомневаюсь.

Но он оказался прав – она ухитрилась не только выпить кофе, но и проглотить салат из креветок. Полегчало. Коваль закурила, оглядывая ресторан, и вдруг почувствовала, как от злости волосы встают дыбом – за самым дальним столиком расположился не кто иной, как

начальник команды Иван Петрович Рассадный с супругой. Вальяжно развалившись на стуле, он потягивал сок и тоже шарил глазами по залу.

– Блин, ну, это уже перебор! – пробормотала Марина – даже самый дешевый номер в этом отеле стоил триста долларов в сутки.

– Что? – не понял Хохол.

– Глянь мне за спину, – перегнувшись к нему через стол, сказала Коваль. – Видишь, кто там сидит?

– Бля, вот это борзота! – протянул и Хохол, увидев Рассадного. – Зуб даю – не за свои бабки он тут отдыхает вместе со своей мадамой!

– И я про то же. Команда, значит, в самом дешевом отеле, а начальник живет, как президент клуба! Я-то могу себе это позволить, а этот хрен старый – вряд ли! Ладненько, сейчас пообщаемся с управляющим и все выясним! – Марина решительно поднялась и посмотрела на телохранителя – выйти из ресторана, не хромая, без его помощи не могла.

Женька встал из-за стола и подал руку, за которую Марина уцепилась.

Ей удалось уговорить (не бесплатно, разумеется) управляющего отелем дать всю интересующую информацию, которая не разочаровала – жил ее хитрый сотрудник в «полулюксе» за четыреста пятьдесят «зеленых». Интересно, как именно он планирует списать эти деньги? Ну, дома Марина развлечется по полной программе, читая отчет о потраченных средствах! Настроение испортилось, она села в шезлонг у бассейна и закурила.

– Я вот все думаю, Женька, неужели я так лоховски выгляжу, что меня можно попробовать поиметь? Ведь не может быть, чтобы они не знали, кто я и что могу сделать! – Марина сдвинула на лоб солнечные очки и прищурилась на яркое солнце.

– Это закон такой – каждый думает, что уж он-то умнее всех, его так просто не возьмешь, – садясь рядом с ней, высказался Хохол. – Знаешь, почему так много народу в тюрьмах? Потому что любой из них считал, что его не поймают, что он все продумал, его-то точно не вычислят.

– Философ ты, оказывается, – задумчиво протянула она, поглаживая его по руке, лежащей на ее животе поверх полотенца. – Почему ты никогда не рассказываешь мне о своей прошлой жизни?

– Зачем тебе?

– Не знаю. Просто интересно, что ты за человек. – Она прижала его руку к своему лицу, как часто делала с Егором, и Хохол вздрогнул, но руку не отнял.

– Киска, в моей жизни не было ничего интересного – тюрьма, шконка, чифирь, заборы, вохра... не надо тебе знать, киска моя.

Он прижался губами к Марининой щеке, всего на секунду, на миг, потом отодвинулся, отняв и руку от лица.

– Надо бы прицениться, сколько здесь недвижимость стоит, – вдруг проговорила Марина, прикурив новую сигарету. – Если я увязну в этом футболе, то неплохо было бы не по отелям шататься, а иметь свой уголок. Желательно с бассейном. Точно, завтра позвоню Розану. Хотя... чего откладывать?

Она решительно взяла телефонную трубку и набрала мобильный заместителя, не считаясь с тем, что дома глубокая ночь. Голос Розана был хриплым и заспанным, а уж когда он узнал о причине столь позднего звонка, то разорался во всю луженую глотку:

– Ополумела?! А завтра не могла позвонить?! Что – так припекло?

– Не ори! – осадила его Марина, сунув тлеющую сигарету в пепельницу. – Значит, понял? Пробей через Москву цены, процедуру оформления документов – словом, все, что нужно. Меня интересуют дома на побережье, можно не очень большие по размеру. И чтобы все чисто, понял?

– То есть на левый паспорт? – уточнил Серега.

– Да. Незачем мне светить недвижимость за границей.

«Левый» паспорт появился у нее с мастифовской легкой руки, именно старый лис по своим каналам организовал ей гражданство в Италии и документ на имя Мэриэнн Винченче. На этот-то паспорт и собиралась она оформить покупку дома. Решив, что указания даны, а Розан понял их как надо, Марина попрощалась и выключила телефон.

Хохол слушал этот разговор с интересом. То, с какой скоростью Марина принимает решения, всегда приводило его в недоумение. Казалось, что она действует совершенно необдуманно, просто лепит то, что пришло в голову в данный момент. Однако на самом деле любое слово и действие изворотливая Наковальня взвешивала в голове по сто раз. Вот и эта покупка дома на Кипре – шаг совершенно обоснованный. Это даст ей возможность контролировать ход сборов команды, не тратясь на отели, и беспрепятственно встречаться здесь с Малышом.

За обедом Коваль выглядела довольной жизнью, курила сигарету и наблюдала за Рассадним и его женой, молодящейся теткой лет пятидесяти, выкрашенной в неестественно-белый цвет и с глазами, словно намазанными малярной кистью. Колоритная дама! И манеры подбодряющие – так ведут себя торговки рыбой на городском рынке, крикливые, с противными скрипучими голосами и вульгарной речью. Можно даже на «фене» говорить интеллигентно, а можно ведь и Шекспира прочесть так, что слушателя наизнанку вывернет. Жена начальника команды явно считала себя вправе вести себя, как базарная баба, гонять официантов, которые и так-то русских не жалуют, а уж подобных... Если бы она дала себе труд выучить хоть пару необходимых фраз по-английски, то пришла бы в ужас от тех слов, которыми поливали ее мальчишки, не забывая вежливо улыбаться. Слушая, Марина давилась от смеха. Устав развлекаться, она кивнула Хохлу, и они пошли на пляж – день был солнечный, почему бы не поваляться на берегу моря и не подышать свежим воздухом.

– Скорее бы домой! – вздохнула Коваль, положив голову на твердый живот Хохла. – Не могу тут больше – все раздражает.

Женька курил, закинув вторую руку за голову, и время от времени давал затянуться и Марине.

– А мне здесь нравится, – отозвался он, – ты здесь другая, не такая, как дома.

– Вот и радуйся, что я решила дом купить, – сообщила она, потягиваясь, как кошка. – Будем часто приезжать... И я буду такая, как ты хочешь...

Хохол погладил ее по голове, пробежал пальцами по щеке до губ, задержался на них на секунду. Коваль зажмурилась и снова потянулась всем телом:

– Не начинай, а?

– Как скажешь, – буркнул он, но руку убрал.

Они вернулись домой рано утром, московский рейс несколько раз переносили, поэтому Коваль успела не только подключить новый сотовый в одной из компаний, но и позвонить Егору. Услышав в трубке родной голос и чужую речь, она расплакалась, и Хохол моментально отнял у нее телефон, сбросив вызов.

– Все, Коваль, прекрати убиваться! – приказал он, увлекая ее за собой по залу ожидания к выходу на регистрацию. – Сейчас с делами разберемся – и вали к своему Малышу, поживи у него, посмотри, как там, – вдруг понравится?

– Мне?! – изумилась Марина. – Никогда в жизни! Я не смогу жить где-то, кроме России, – нет такого места. Только здесь я – это я, а там кто я буду? Жена владельца строительной компании? Это не по мне – слишком я привыкла к независимости, Женья.

– Тогда зачем дом на Кипре покупаешь?

– Чтобы было. – Она показала ему язык.

Хохол рассмеялся, поднимая ее на руки на глазах обалдевших пассажиров, проходивших регистрацию, поцеловал, не обращая внимания на окружающих, и так, на руках, понес в самолет. Видимо, ответ вполне его устраивал.

На летном поле стояли два «Крузера» и огромный «Хаммер» – Розан прислал эскорт. И сам приехал чуть позже, когда Марина уже сидела в машине с сигаретой в руке, кинулся обниматься, к неудовольствию Хохла, считавшего такое проявление чувств по отношению к хозяйке лишним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.